

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА ¹⁾.

1865-й годъ.

Новый годъ, масса наградъ, масса недовольныхъ. Назначеній, чиновъ, крестовъ, наградъ и пенсій безъ счету. Особенно роскошно награждены редакторы и сотрудники судебной реформы. Дай Богъ, чтобы исполнители и народъ были довольны ихъ сочиненіями. Дай Богъ, чтобы приводить въ исполненіе было также удобно какъ переводить и перифразировать. Но это не занимаетъ дней новаго лѣта. Ихъ занимаетъ агитація выборовъ и агитація Катковская. Выборы начались сегодня, и уже въ проповѣди епископа Леонида призывались дворяне къ охраненію правъ, дарованныхъ императорами Петромъ, Екатериною, Александромъ I-мъ. Не упомянуты ни Николай, ни Александръ II ²⁾. Въ уѣзды уже переданы бумаги, и въ числѣ ихъ адресъ Государю о призваніи земства къ представительству нуждъ предъ Государемъ и еще проектъ адреса объ огражденіи редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“ отъ всякихъ стѣсненій. Агитація Катковская принимаетъ или раздуваетъ все болѣе и болѣе широкіе размѣры. Возвратясь изъ Петербурга, Катковъ, столкнувшись съ цензурою, хотѣлъ будто бы оставить редакцію; но его отговорили, и университетскій Совѣтъ, получивъ его просьбу, сдѣлалъ представленіе объ исходатайствованіи „вѣдомостямъ“ общаго права безценсурности, какъ было прежде и какъ существуетъ это для другихъ корпорацій. Дворянство, пользуясь съѣздомъ, приняло на себя и новое ходатайство. Генераль Шиповъ написалъ шефу жандармовъ письмо, въ которомъ

¹⁾ См. выше, стр. 132.

²⁾ Вотъ слова проповѣди: „Господь сохранить тебя, тебя, именитое потомство славныхъ мужей времени Владимира, Ярослава, Димитрія, Иоанна-собирателя, Петра, Екатерины, Александра, сохранить вхожденіе твое отъ нынѣ и до вѣка“ и пр., (Моск. Вѣдом. 1865 г. 3 Января, № 5).

„гоненія на Каткова“ называетъ причиною общаго ропота и негодованія и не въ одной Москвѣ, но во всѣхъ концахъ Россіи. Московскія свахи бьютъ въ набатъ. Московскіе юноши Англійскаго клуба ударили тревогу. Совѣтъ университетскій являлся 1 Января къ Каткову и поднесъ ему свое постановленіе. Крамольники! Крамола! И все это въ такихъ формахъ, непривычныхъ и неосновательныхъ, что такъ и видишь рѣшительное непониманіе политической жизни, неудавшейся не въ дѣйствительности, а въ конторахъ журналистовъ, въ кружкахъ празднующихъ и незнающихъ народной жизни теоретиковъ. Такъ и гонять агитацію на площадь и на улицы!

Прусскія палаты открыты 2 (14) Января, и уже самая мирная рѣчь короля заставляеть сомнѣваться въ соглашеніи палаты депутатовъ съ министерствомъ. Она какъ бы предвѣщаетъ отмѣну конституціи или по крайней мѣрѣ управленіе безъ палатъ. Цензъ палаты депутатовъ такъ эластиченъ, что и при новыхъ (третьихъ) выборахъ нельзя рассчитывать на консервативный элементъ. Теперь же она вся оппозиціонная и при томъ систематически. Бисмаркъ упорствомъ и безцеремонностію напоминаетъ Полянъ. Но трудно вѣрится въ либерализмъ Нѣмцевъ, скорѣе повѣришь въ ихъ фанатизмъ. Либералы палаты впрочемъ не демагоги и не демократы. Они настоящая интеллигенція государства и имѣютъ не только призваніе, но и аллюры учителей, мыслителей. Въ числѣ ихъ есть и специалисты, знатоки теоріи и дѣла; но такъ какъ они не при дѣлѣ, то теорія беретъ верхъ, и практическое примѣненіе разбивается въ отвлеченіяхъ.

Московскіе выборы кончились, сегодня подписанъ адресъ, агитація унимается, трещать пересуды и злобствуютъ личности. Собраніе было замѣчательное*), и представителями его, героями его, являются и посылаются къ Государю гр. Орловъ-Давыдовъ, Н. А. Безобразовъ и Д. Д. Голохвастовъ, личности дѣйствительно выдающіяся изъ нашего, даже лучшаго, Московскаго дворянства. Съ 1861 г. цѣль всѣхъ и всякихъ дворянскихъ собраній одна: оплакивать бѣдственное положеніе дворянства и бѣдственное положеніе правительства, преимущественно мини-

*) Возникло сомнѣніе въ прочности хоровъ въ большой залѣ Московскаго дворянскаго собранія: такъ много всходило туда послушать рѣчи, раздававшіяся внизу. С. А. Соболевскій сочинилъ по этому поводу, будто дворяне обратились къ Государю съ такимъ заявленіемъ:

„Скажи опричникамъ своимъ, что мы, по манію народа, сюда, подъ сѣнь гнилаго свода, сошлись и твердо здѣсь сидимъ. Или попретъ одинъ хожалый Дворянской грамоты права?! Нѣтъ, одного на это мало!... И вотъ является ихъ два. Быстро расходятся и не заходятъ даже въ буфетъ“.

Посѣщая ежедневно Англійскій клубъ, старый холостякъ Соболевскій знакомъ былъ съ тогдашними дворянскими затѣями. П. Б.

стерскаго управленія, „Петербургскихъ канцелярій, опричины“, какъ выразился третьяго дня Голохвастовъ. По старымъ понятіямъ, это—крамола; по новымъ, это борьба партій: оптиматовъ и правительства. Интересы класса дворянъ здѣсь даже не на второмъ планѣ. Оптиматы хотятъ имѣть политическое значеніе. Прося объ общихъ выборныхъ земли Русской, богачи просятъ и выборовъ дворянскихъ выборныхъ, вызываясь служить безъ всякихъ служебныхъ правъ, безъ наградъ и безъ жалованья, какъ служили и служатъ Орловъ-Давыдовъ, Безобразовъ и другіе. Это будетъ палата лордовъ. Лорды эти завербовали къ себѣ и дворянскую редакцію „Московскихъ Вѣдомостей“, взявъ ихъ своимъ органомъ, а г. Катковъ придумалъ и планъ учрежденія частнаго университета на манеръ Англійскихъ. Какъ мы близки къ кореннымъ преобразованіямъ въ нашемъ быту и въ нашемъ образованіи, такъ недавно и радикально преобразованныхъ! Господи! Какъ въ озлобленіи за крѣпостное право и въ агитаціяхъ крамолы мы близоруки, слѣпы и не въ состояніи различить сѣраго отъ бѣлаго!

Что скажутъ въ Петербургъ? Я полагаю, что, зная все происшедшее на выборахъ, Петербургъ дастъ нагоняй депутатамъ и не дастъ хода адресу, какъ содержащему въ себѣ требованіе, относящееся до всей имперіи и всѣхъ сословій. Развитіе земскихъ учреждений дѣло рачіональное и желанное, но не въ настоящій моментъ, когда кипятъ страсти и негодованія и когда національные сепаратизмы въ полномъ развалѣ. Надобно выждать окончанія реформъ и дать имъ время пріобрѣсти устой. Окрѣпнуть общественныя гарантіи, тогда можно завершить зданіе. Мы только и знаемъ, что предписываемъ новые порядки, а порядка никакого нигдѣ нѣтъ. Разъ, съ крѣпостнымъ дѣломъ, вступа на крутой поворотъ, мы остановиться не можемъ и несемъ стремглавъ. Потрясая земля подъ всѣмъ крестьянскимъ міромъ, и встревоженный, перепуганный міръ въ расплохѣ не знаетъ куда идти и гдѣ остановиться.

Особенную ненависть высказали къ Великому Князю Константину и къ Валуеву столько же, сколько къ Головнину и Рейтерну. Особенную благодарность выразили Каткову, открывъ подписку для поднесенія ему золотой чернильницы и алмазнаго пера. Безобразову, рѣшивъ поднести ему 24 пуговицы золотыя, на каждой съ именемъ дарителя, Голохвастову—золотую рамку и Наумову—золотое перо. И все это вышло какая-то комедія. Еще до начала выборовъ завязался споръ съ министромъ о примѣненіи 51 ст. Устава по выборамъ. Дворянство толковало, что если, послѣ выкупа крестьянами, помѣщикъ не имѣлъ 3 тыс. десятинъ, онъ не имѣлъ права участвовать въ выборахъ. Министръ объяснялъ, что если у помѣщика 100 душеваго и послѣ выкупа оста-

лось сколько нибудь земли, онъ имѣеть право по закону, дѣйствующему и такъ примѣняемому въ 10 губерніяхъ. Тогда какъ 7—14 Января шла бурная недѣля постановленій и выборовъ, рѣчей и выходовъ, нескончаемаго говора и сплетень, министръ 8 Января вошелъ въ Сенатъ, прося пояснить толкованіе и примѣненіе закона. Сенатъ согласился, и отъ 13 Января (министръ медлилъ, а Сенатъ спѣшилъ, очевидно умышленно) указомъ отмѣнилъ постановленіе собранія, и генералъ-губернаторъ предложилъ закрыть собраніе, какъ недѣйствительное, со всѣми его дѣйствіями. Изъ дѣла сдѣлали игрушку, и дворянъ распустили, какъ школьничковъ. Негодованію не было бы предѣловъ, если бы не злорадость довольно большаго числа не утѣшалась этимъ ударомъ, досадуя на множество наѣздныхъ членовъ изъ Петербурга, Орлова-Давыдова и Безобразова. Особенно смѣшонъ графъ Орловъ-Давыдовъ. Впрочемъ предназначенные обѣды, каждый день, съ 14-го, продолжаютъ со свѣчами и музыкой и стоили по 13, 16 и до 25 рублей.

Дѣло Московскихъ дворянскихъ и газетныхъ агитацій усложняется. Одинъ изъ редакторовъ дворянской газеты „Вѣсть“, бывши въ Москвѣ съ покровителемъ газеты и главнымъ дѣятелемъ графомъ Орловымъ-Давыдовымъ, Д. Скарятинъ получилъ отъ него рѣчь, сказанную въ собраніи и проэктъ разсмотрѣннаго адреса и, уѣзжая въ Петербургъ, обѣщался напечатать ихъ въ своей газетѣ, предупреждая, что газета будетъ запрещена, но онъ частнымъ путемъ пришлетъ 50 экземпляровъ. № 4-й „Вѣсти“ съ рѣчью и адресомъ вышелъ 16-го безъ цензуры и, разумѣется, остановленъ; но кромѣ того и редакторы преданы суду. Судъ назначенъ (полагають), чтобы изыскать возможность, какъ-бы привлечь къ отвѣту и агитаторовъ, которые во всемъ этомъ дѣлѣ просвѣчиваются бѣлыми нитками. Теперь агитація, какъ ненаціональная, перенесется въ иностранные журналы. И агитація газетная также вошла въ новый стадій: Катковъ со всею откровенностію изложилъ затруднительность редакціи отъ воли ценсорской. Откровенность эта беретъ управленіе въ схватку и требуетъ развязки. Катковъ 18-го уѣхалъ въ Петербургъ. Дворянство (оптиматы) и Катковъ, допущенный въ 1863 г. въ видѣ шумихи, считаютъ себя могуществами, надуваются, кричатъ и хоть въ бой идти. Бой неравный! Петербургскій столоначальникъ, личный врагъ дворянству и аристократизму, и въ бой не пойдетъ. Онъ перехитритъ ихъ, а не достигнетъ канцелярскою замашкою, махнетъ министерскимъ ордеромъ.

Быль и жилъ (большою частію въ Англійскомъ клубѣ) корнетъ Ехемзенъ и наконецъ умеръ, оставя большое наслѣдство Симанскимъ и Дурновой. Вотъ проходитъ третій годъ, какъ случилась эта переменна въ бѣдныхъ семействахъ, и до сихъ поръ видимыя послѣдствія этой

перемѣны самыя грустныя, непомѣрная расточительность, скорая женитьба и безпрерывныя безпокойства процентовъ и искательствъ. Я постоянно имѣю передъ глазами Андрея Симанскаго, ведущаго процессъ о подлогѣ завѣщанія и потерявшаго чрезъ то служебную карьеру. Сегодня былъ у меня полковникъ Дурновъ изъ Петербурга, преслѣдующій сына, который надавалъ векселей и бѣжалъ съ какой-то камеліей, предполагая на ней жениться. Любопытно посмотрѣть на положеніе наследниковъ черезъ 10 или 15 лѣтъ. Незапныя перемѣны, даже несомнѣнно выгодныя, всегда вредны и болѣе вредны, нежели полезны.

Иначе было съ другимъ, близкимъ мнѣ семействомъ, А. В. Протасьева. Сыновья еще кое-какъ идутъ, но дочь, Муравьева-Рѣзникова, окончательно гибнетъ. Старшая дочь ея тоже погибла. Ни та, ни другая мною не принимаются. Сегодня я простился съ меньшою дочерью, Лизой Муравьевой. Она ѣдетъ гувернанткой въ домъ Юматовыхъ, въ Пензѣ, и провела у меня два дня. Я былъ съ нею ласковъ, купилъ ей платье и кое-что, подарилъ денегъ и старался связать ее признательностію, объявляя со всею откровенностію, что доколѣ она честныхъ трудомъ будетъ заслуживать общее уваженіе, она вполне можетъ рассчитывать на мою любовь и помощь дѣломъ и словомъ.

Сегодня я началъ полезное дѣло. Генераль-губернаторъ представилъ намъ дѣло о поджигателѣ Леоновѣ, и Сенатъ полагаетъ возвратить дѣло для направленія къ порядку, указанному повелѣніемъ 1 и 6 Іюня 1862 г. Еще въ 1852 г. императоръ Николай велѣлъ судить поджигателей, дѣйствующихъ шайками, военнымъ судомъ, назначивъ и видъ наказанія: 12 разъ черезъ 1000 сквозь строя и, буде останется живъ, сослать по смерти на каторгу. Законъ этотъ примѣняли рѣдко и узко, и по настоянію моему, конечно подчиненному, онъ не имѣлъ обратной силы. Въ 1862 г., послѣ страшныхъ Петербургскихъ пожаровъ, Государь 1 Іюня приказалъ судить за злоумышленные поджоги по полевымъ уголовнымъ законамъ, т. е. назначать и приводить въ исполненіе смертную казнь съ утвержденія главнаго военнаго начальника, а 6 Іюня того же года „разрѣшилъ всѣмъ главнымъ и начальникамъ губерній, въ случаѣ обнаруженія злоумышленныхъ поджоговъ, руководствоваться правилами 1 Іюня“. Я толкую слово: „разрѣшить“ въ смыслѣ „предоставить“, а не вмѣнить въ обязанность. Я думаю, что предоставляется или разрѣшается эта страшная мѣра при двухъ условіяхъ: 1) если были неоднократные злоумышленные поджоги, и 2) если эти поджоги были одновременны или имѣли между собою связь, и начальство, для огражденія общественной безопасности и отвращенія общихъ бѣдствій, признаетъ нужнымъ привести въ исполненіе мѣру, обыкновенно принимаемую, когда общество въ осадномъ положеніи. Меня навело на эту

мысль частное извѣщеніе газетъ о разстрѣленныхъ тамъ и сямъ, въ Нижнемъ, Саратовѣ, Казани, Симбирскѣ, Орлѣ, Одессѣ... Точно вся Имперія въ осадномъ положеніи. Особенно возмутительно это въ Москвѣ, мирной и беззаботной, гдѣ можно обнаружить шайки патріотовъ, и тѣ весьма невинныя.

Сегодня, 1 Февраля, полученъ рескриптъ отъ 29 Января, заканчивающій Московскія агитаціи дворянскихъ выборовъ. Рескриптъ опредѣлительнъ и строгъ¹⁾. Онъ запрещаетъ всякую инициативу въ измѣненіи существенныхъ началъ въ государственныхъ учрежденіяхъ; онъ утверждаетъ, что это право, право вчинанія, неразрывно сопряжено съ самодержавною властію, „Богомъ мнѣ ввѣренною“. Онъ напоминаетъ, что никто не имѣетъ права предупредить попеченія Государя о благѣ Россіи. Впечатлѣніе этого рескрипта въ Москвѣ весьма сильно, особенно въ связи съ отказомъ университета и Каткову, которые тѣсно вошли во всѣ Московскіе кружки и сплетни. Дѣло стоило рескрипта, ибо оно зашло слишкомъ далеко; но его не слѣдовало допускать, и въ этомъ виноватъ прежде всего генераль-губернаторъ, человекъ ничего не понимающій²⁾, и министръ Валуевъ, дозволившій собранію толковать и толковать долго, тогда какъ о самомъ составѣ собранія идутъ споры, и министръ внесъ дѣло на разсмотрѣніе Сената. Въ настоящее время кой-какія личности, только пассивно относящіяся къ дѣлу, не годятся и существенно вредятъ дѣлу, компрометируютъ власть и правительство. Унынія въ агитаторахъ нѣтъ; это народъ довольно мелкій, но положеніе ихъ ложно и чтобы скрыть смущеніе, они принуждены смотрѣть въ разныя стороны и скоситься.

Кавалерственная дама М. А. Лонгинова рассказывала мнѣ, что управляющій ея ходилъ на болото (хлѣбный рынокъ) и передалъ ей толки базарныхъ. Они разговаривали о царскомъ рескриптѣ и пришли къ заключенію, что Катковъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ будетъ писать противъ дворянъ, которые хотѣли перемѣнить правленіе. Н. В. Сушковъ передавалъ мнѣ сужденіе коммерціи совѣтника Солодовникова,

1) К. Н. Лебедевъ не привелъ строкъ этого достопамятнаго рескрипта, въ которыхъ Государь изволилъ выразиться, что онъ не врагъ законно-свободныхъ учреждений, и сему доказательствомъ служить все его царствованіе. Такимъ образомъ оправдываются тогдашнія политическія вождѣнія. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву Государь вызывалъ къ себѣ Д. Д. Голохвостова, сказалъ ему, чтобы онъ берегъ въ себѣ Божественный даръ краснорѣчія и прибавилъ: „Неужели вы думаете, что я дорожу оставшимися у меня лохмотьями самодержавія? Я бы вамъ ихъ выбросилъ, если бы не былъ увѣренъ, что Россія начнетъ разваливаться“. (Слышано отъ самаго Д. Д. Голохвостова). Тоже самое сказано было Александромъ Николаевичемъ въ Петербургѣ графу Андрею Павловичу Шувалову (слышано отъ Н. О. Крузе). П. В.

2) Офросимовъ. П. Б.

что „если дворянство пошлетъ адресъ, то купечество на другой день пошлетъ отъ себя контръ-адресъ“. Все это Московскія сплетни, толки и пересуды. Я имъ не вѣрю, хотя при настоящей обстановкѣ и при искусственныхъ агитаціяхъ подобныя явленія возможны. Я только этого-то и боюсь, чтобы не привлекли къ дѣлу площадныхъ и уличныхъ крикуновъ, съ которыми соединится печать дневныхъ листовъ, и пошла писать! Броженіе умовъ, раздраженіе страстей и злоупотребленіе словъ и голосовъ все возрастаютъ болѣе и болѣе, и съ ними не справиться ни земству, ни двумъ палатамъ, хотя бы въ одной засѣдали Давыдовы и consort. Всего болѣе должно опасаться нужды. Случись значительный неурожай, и Имперія будетъ въ осадномъ положеніи, недоимки усилятся, потребленіе еще умалится, и общество, едва окрѣпляющееся, не будетъ въ состояніи сдерживать безпорядки и обуздать своеволіе. Теперь повсемѣстныя жалобы на прислугу, на ея развратъ и преступность, на произволь и безотвѣтность. Только это и слышишь. Это немного касается и меня, моего маленькаго дома, въ которомъ, кромѣ одного, всѣ прежніе, свои.

Масляница въ полномъ развалѣ. Въ Москвѣ она и шумяѣ, и грязнѣ. Собранія, клубы, театры, шинки и балаганы переполнены народомъ, преимущественно низшаго и средняго класса. Высшій классъ воздерживается, такъ что и недорогая сравнительно Итальянская опера едва ли не закроется. Смотри на это стеченіе и траты денегъ, съ трудомъ повѣришь безденежью, на которое жалуются со всѣхъ концовъ. Уменьшеніе доходовъ, низкія цѣны на хлѣбъ и лишеніе удобствъ домашней жизни тяжело легли на помѣщичій классъ и дѣлаютъ его равнодушнымъ ко всѣмъ политическимъ и социальнымъ преобразованіямъ, въ которыхъ дворянству, по мнѣнію преобразователей, отдѣлялось такое широкое участіе. На земскихъ выборахъ, какъ слышно, дворянство отнеслось къ новому учрежденію съ такимъ равнодушіемъ, что изъ числа цензовыхъ членовъ едва 6-я часть принимала участіе; все прочее сидѣло по домамъ или изъ оппозиціи, или по предубѣжденіямъ и опасеніямъ, или по недостатку наличныхъ средствъ для поѣздки.

Агитація дворянская и газетная все еще продолжается. Въ отношеніи послѣдней нельзя не замѣтить, что главнѣйшій органъ ея, „Московскія Вѣдомости“ довольно безцеремонно закидываютъ противниковъ подозрѣніями и упреками не только въ невѣжествѣ, въ недостаткѣ или холодности патріотизма, но прямо во враждебныхъ къ Имперіи чувствахъ и даже дѣйствіяхъ, въ сепаратизмѣ, въ полонизмѣ. Это немного напоминаетъ Булгарина, и стоило бы не однѣхъ насмѣшекъ Петербургскихъ противниковъ, и едва ли достойно публициста и такого блестящаго публициста, какъ Катковъ. Что касается агитаціи дворянской въ ожн-

даніи предстоящихъ выборовъ, то она принимаетъ противоположный прежнему видъ смиренія, раскаянія и въ *этомъ видѣ* хочетъ предстать предъ Государемъ, указать картину бѣдственнаго состоянія Россіи и просить отца своего народа положить что-нибудь на мѣрѣ, какъ ему, Государю, Богъ пошлетъ. Особенно дворянство хочетъ плакаться о своихъ нуждахъ и подтвердить фактами (что говоритъ Московскій ораторъ, то есть непременно фактъ, доколѣ Петербургскій столоначальникъ не перечеркнетъ его): 1) что министръ внутр. дѣлъ измѣняетъ положеніе 19 Февраля своими циркулярами; 2) что министръ финансовъ произвольно переноситъ статьи государственнаго бюджета на земскія повинности, и 3) что дворянскія дѣти, поступающія въ заведенія народнаго просвѣщенія, выходятъ оттуда нищими.

Раздраженіе партій и разныя агитаціи продолжаются и все усиливаются, и можно предвидѣть открытую войну дворянства съ Петербургомъ. Война разумѣется кончится побѣдою Петербурга и низложеніемъ дворянской партіи, но на бумагахъ, а не въ дѣйствительности. Дворянство будетъ не право, ибо идетъ противъ свѣта прогресса за темное крѣпостное право; но оно сохранитъ свои права, какъ могущественный классъ землевладѣльцевъ, какъ интеллигенція мѣстныхъ краевъ, какъ знатоки и вліятельные люди мѣстности. Успѣхъ большей части либеральныхъ преобразованій (кромѣ акциза) зависитъ отъ дворянства, и оно апатическимъ отношеніемъ можетъ парализовать всѣ Петербургскіе планы и затруднить дѣйствіе не только земскихъ учреждений, но и судебной реформы. Раздраженіе страстей, терпимое и вызываемое, выражается и въ языкѣ, въ разговорахъ и въ литературѣ серьезной и въ рѣчи людей порядочныхъ. Къ этому затрудненію надобно прибавить и другое: безденежье, бѣдность. Апатія нравственная и недостатокъ матеріальныи неспособны внушить довѣріе къ новымъ порядкамъ, а между тѣмъ и публицистика, и само правительство уничтожили всякое довѣріе къ порядкамъ старымъ. При чемъ мы останемся?

Уравноправіе, не возвыся низшихъ слоевъ до нашего уровня, низвело, такъ сказать, насъ къ этимъ слоямъ, и отъ этого сообщества мы невольно должны были ознакомиться, сблизиться, освоиться съ немѣренностію, съ грубостію этого слоя и вести рѣчь такъ, чтобы она была и имъ нечужда, понятна, общая намъ. Какой-то хаосъ, смѣшеніе, броженіе составныхъ элементовъ общества, въ которомъ никто не знаетъ своего мѣста и всѣ мятутся: кто угорѣлъ, кто ошеломленъ, а иной пьянъ или съ похмелья. До сихъ поръ для меня загадка: кто причиною, что причиною такихъ послѣднихъ реформъ, такого осаднаго положенія, такого ожесточеннаго нетерпѣнія. А причина должна быть. Я думаю: мнимыя опасности и ложный страхъ.

Ценсурный уставъ въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта возвращенъ для передѣлки. Онъ составлялся четыре года и, пройдя всѣ инстанціи, возвращается единственно для того, по плану Николая Милютина, чтобы убить работы Валуева, замѣнить котораго готовится Милютинъ. Валуевъ оконфуженъ и вовсе непрочъ оставить министерство, лишь бы представился благовидный поводъ и оставили ему при новомъ назначеніи всѣ выгоды прежняго. Уставъ былъ писанъ какъ бы для созданія новыхъ мѣстъ и широкихъ окладовъ. Онъ давалъ много простора случайной свободѣ и не содержалъ существенныхъ огражденій порядка, и при томъ онъ враждебно смотрѣлъ на публицистику, въ которой преимущественно сосредоточилась вся умственная дѣятельность настоящаго времени.

Февраля 26 въ Калугѣ скончался бывший князь Евгенийъ Петровичъ Оболенскій, извѣстный Декабристъ, другъ Рылѣва, предводитель войскъ на Сенатской площади 14 Декабря 1825 г. Это была прекрасная душа, олицетворенная преданность Богу и ближнему. Имя его принадлежитъ исторіи, и я записываю о его смерти единственно потому, что, по дружбѣ моей съ его сестрою, княгинею Натальей, сблизившись съ нимъ, я неоднократно бесѣдовалъ о знаменитомъ событіи и, при всей подробности этихъ бесѣдъ, не могъ и не могу уяснить себѣ, какъ могли молодые заговорщики рѣшиться на открытый бунтъ, имѣя такъ мало средствъ. Евгенийъ обыкновенно заключалъ: перевороты зависятъ отъ случайностей; обстоятельства для насъ расположились счастливо: двѣ присяги, отсутствіе Великаго Князя Константина, и за насъ былъ народъ; онъ кричалъ намъ: идите, мы съ вами. Можетъ ли это служить историческимъ объясненіемъ дерзкой (чтобъ не сказать другаго слова) попытки 14 Декабря? По возвращеніи изъ Сибири онъ предался молитвѣ и умеръ праведникомъ. Но едва-ли жизнь его была счастлива и текла тихо. Пріѣздъ Декабристовъ вообще производилъ какое-то смятеніе въ средѣ ихъ семействъ. Рѣдкимъ изъ нихъ были рады, почти всѣ они были чужды и обществу послѣ 30 лѣтъ разлуки, и всѣ они не имѣли никакого значенія.

Опытный хозяинъ, баронъ Гакстгаузенъ, объѣхавъ Россію и обзрѣвъ наше хозяйство, пришелъ къ тому печальному убѣжденію, что хозяйство возможно только при крѣпостномъ правѣ, какъ плантаціи хлопка только при Африканскихъ невольникахъ. Убѣжденіе это повидимому оправдывается. Со всѣхъ концовъ слышны общія увѣренія, что вольное, наемное земледѣліе не окупаетъ затратъ, невозможно, въ убытокъ. Это не подлежитъ сомнѣнію, но какая этому причина? Гакстгаузенъ приводилъ климатическія условія, обширность посѣвовъ и недостатокъ удобреній. Я вижу причину нынѣшней несостоятельности, кромѣ

новости дѣла, въ обремененіи долгами и въ полной ликвидаціи казенныхъ долговъ при выкупѣ. Большая часть землевладѣльцевъ не имѣетъ оборотнаго капитала, и еще большая часть проживала болѣе нежели имѣніе могло давать. Напр. наше семейство. Оно давно въ безвыходномъ положеніи, и только при *нашихъ* Русскихъ порядкахъ суда и полиции мы могли тянуться и откладывать. Крестьянская реформа намъ не только была не вредна, но могла устроить насъ. Оставляемая за надѣломъ земли могли бы быть заложены, а казенный долгъ погашается выкупными актами.

Партіи наши все болѣе и болѣе обрисовываются яснѣе. Сословіе привилегированное совершенно теряетъ подъ собою землю и шатается. Династическое и придворное услужничество, фавориты и фаворитки, исключительность правъ и т. под. образовали противъ нихъ такую сплошную оппозицію, что всѣ журналы и газеты принадлежатъ почти исключительно направленію демократическому, которое часто граничитъ съ социализмомъ и даже явнымъ нигилизмомъ. Убѣжденія такъ сильны, что раздраженіе такъ и ломить, такъ и забрасываетъ крупными словами, такъ и бросается, хоть въ драку. Защитниками этого сословія (консерваторы) „Московскія Вѣдомости“, немного „Инвалидъ“ и очень много „Вѣсть“. Всѣ прочія преимущественно-демократы. Но, группируясь подъ этимъ знаменемъ, онѣ далеко не въ дружбѣ между собою и съ противниками и съ единомышленниками, ругаются на пропалую. На дняхъ явилась новая газета „Народная Лѣтопись“, демократизмъ и цинизмъ которой доходитъ до „Современника“, „Русскаго Слова“ и „Эпохи“. Свобода и раздолье!

Я не думаю, чтобы наша преждевременная и довольно незапная свобода печати не оставила глубокихъ слѣдовъ на молодомъ поколѣніи нашего общества и на низшихъ слояхъ его, гдѣ воспитаніе такими печатными листами можетъ возродить явныхъ демагоговъ. Особенно это важно при современныхъ преобразованіяхъ, которыя даютъ этимъ слоямъ широкое участіе въ самоуправленіи. Я рассказалъ выше о толкахъ на Болотѣ. На дняхъ Ив. Аксаковъ рассказывалъ, что Коломенскіе крестьяне послали адресъ, въ которомъ, упоминая о замыслахъ Московскаго дворянства на счетъ перемѣнъ въ образѣ правленія, умоляютъ не обращать вниманія на эти замыслы и не перемѣнять ничего въ правленіи, при которомъ они чувствуютъ себя совершенно счастливыми. Если все это правда, то поступательное развитіе агитаціи можетъ скоро достигнуть своей цѣли. Можетъ быть и то, что все это ложные страхи, и кора невѣжества, разрозненность личностей и глушь земли такъ велики, что агитація и при бѣльшемъ усиліи едва коснется поверхности.

Разстройство помѣщичьяго хозяйства все болѣе и болѣе усиливается, а помощи нигдѣ нѣтъ и невидно. Вольнаго труда и фермерства нѣтъ, а гдѣ есть—невѣрны и дороги, не окупаются. Живой интересъ этого дѣла разбудилъ хозяйственные вопросы въ обществахъ и журналистикѣ, и прѣнія выразились довольно характеристично. Въ Экономическомъ Обществѣ преобладаетъ тема Н. Безобразова объ организациі помѣстнаго труда. Ораторы гнутъ на крѣпостное право. Въ Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства идетъ большой разладъ и агитація. Это общество со времени реформы Кошелева шумитъ, кричитъ и только, на дняхъ предсѣдатель его, Шатиловъ, въ здоровой и рѣдко такъ откровенной рѣчи, прямо выразилъ, что Общество ничего не сдѣлало и не знаетъ откуда и куда приступить, ожидая указаній и спасенія отъ судебной реформы и земскихъ собраній. Московскіе ораторы клоняты болѣе къ мелкому фермерству и общинному пользованію. Въ средѣ общества (Клуба сельскихъ хозяевъ въ С.-Петербургѣ) люди, болѣе знакомые съ политической жизнью, разрабатываютъ дѣло практичнѣе, и Москвичамъ не мѣшало бы поучиться у нихъ выбору и разъясненію вопросовъ. Клубъ этотъ удался, противъ моего ожиданія. Я пророчилъ ему бѣдную, чиновничью участь, а онъ процвѣтаетъ и играетъ въ хозяйствѣ роль авторитета. Не подлежитъ сомнѣнію, что производительность наша уменьшилась; но какъ же объяснить низость цѣнъ на хлѣбъ и отсутствіе спроса? Несомнѣнно, что общинное владѣніе (преобладающее) не допускаетъ усовершенствованія въ сельскомъ хозяйствѣ; но какъ же превратить его въ частное и чѣмъ замѣнить вліяніе общины, круговую поруку и власть схода? Потомъ: какъ, при старыхъ порядкахъ, противодействовать конкуренціи иностранной, у которой и круглый годъ работы, и близость рынковъ, и легкая доставка? Признаюсь, я не понимаю, при общинномъ владѣніи, и примѣненіи кредита.

Генералъ-губернаторы и начальники военныхъ округовъ генералы Безакъ (Кіевскій) и Крыжановскій (Оренбургскій), передъ отъѣздомъ въ свои управленія, обратились къ своему зятю, сенатору Колюбакину съ просьбою познакомить и сблизить ихъ съ редакціями „Моск. Вѣд.“ и „Дня“. Это дѣльно. Общественное мнѣніе выражается газетами, а эти двѣ газеты распространены болѣе другихъ и по смѣлости и талантливости редакцій оказываютъ большое вліяніе. Безакъ видѣлся съ Катковымъ у Шипова 19 Апрѣля, и оба очарованы. Статьи „Русскаго Вѣстника“: возстаніе на Волынѣ и корреспонденціи „Дня“ изъ Кіева не давали спать генер. Анненкову; его управленіе, такъ неловко защищенное бывшимъ его губернаторомъ Гессе, было сильно порицаемо, и дѣло кончилось отозваніемъ Анненкова, весьма непочетнымъ. Итакъ вліяніе, господство журналистики водворяется замѣтно и дѣйствительно.

Не понимаю, какъ сидится Головнину. Статьи, каковы о протекціи брошюръ Шедо-Феротти (разосланной при запискахъ того самаго министра, который за полгода просилъ Каткова о перепечатаніи статей его о Польшѣ) и статьи о географіи Даніеля (25 Марта) до той степени зацѣпляютъ министра просвѣщенія, что надобно имѣть мѣдный лобъ, чтобы не отвѣчать на нихъ, или быть совершенно ко всему равнодушну, чтобы оставлять на мѣстѣ министра. Географію эту Ученый Комитетъ Министерства рекомендуетъ, какъ лучшую, а Катковъ, выводя ея Польскія тенденціи (въ географіи!) указываетъ, что военно-учебное управление и Московскій университетъ запретили ее въ своихъ вѣдомствахъ. Желательно, чтобы кто нибудь безпристрастно разобралъ эту анархическую путаницу и повѣрилъ самыя цитаты Каткова, частенько произвольныя, но повѣрилъ не съ тою запальчивостію, какъ это сдѣлалъ А. Жемчужниковъ въ 12 № „Дня“. выставляя „наглыя непристойности редакціи „Моск. Вѣдомостей“.

Читаю я I-й томъ *Histoire de Jules Caesar* Наполеона, скучнѣйшее чтеніе, написанное въ духѣ пониманія исторіи, какъ школы нравственности и исполненное сентенцій самыхъ пошлыхъ. Замѣчательнѣе всего „введение“ или предисловіе. Оно начинается такою пошлою нелѣпостію: *la vérité historique devrait être non moins sacrée que la religion*. Ну, что общаго между абсолютною истиною или откровеніемъ Божиимъ и воззрѣніемъ какого нибудь писателя, нерѣдко памфлетиста, на отдаленныя событія, извѣстныя по гадательнымъ источникамъ? Предисловіе продолжаетъ: *Mais en écrivant l'histoire, quel est le moyen d'arriver à la vérité? C'est de suivre les règles de la logique*“. Отвѣтъ глубокомысленъ и особенно новъ и замысловатъ. Ничѣмъ другимъ не объяснишь себѣ появленіе императорской учености, какъ ненасытимыхъ славолюбіемъ на всѣхъ поприщахъ человѣческой дѣятельности. Читая книгу, невольно видишь ученика Роллена и Боссюета, пересыпанныхъ позднѣйшими чтеніями новѣйшихъ изслѣдователей. Вѣроятно въ молодыхъ годахъ или въ уединеніи Гама Луи-Наполеонъ приготовлялъ свѣту сочиненіе о Цезарѣ и теперь выдвинулъ этотъ трудъ, пересмотрѣвъ и дополнивъ его лучшими результатами новѣйшихъ историковъ. Но и теперь видѣвъ Ролленъ съ его преобладающимъ внѣшнимъ понятіемъ исторіи.

Читая рассказъ графа Мальмсбюри въ Парламентѣ 24 Марта о мировомъ судѣ полковникъ Джонсонъ (онъ, съ нарушеніемъ формъ суда, посадилъ въ сумасшедшій домъ совершенно здороваго Докналла, съ женою котораго былъ въ интригѣ), невольно обращаешься къ нашему мировому судѣ и невольно трепещешь за участь института, для котораго у насъ, по моему убѣжденію, нѣтъ никакихъ элементовъ, особенно нѣтъ двухъ: сознанія своего долга въ обязанности его и установив-

шагося чувства законности, основаннаго на уваженіи личности и отсутствіи всякаго произвола. Джонсонъ, полковникъ, и въ Англіи, поступаетъ, какъ рыцари „Парижскихъ Тайнъ“, срамитъ человѣка и доводитъ его до самоубійства. Ну чего не сдѣлаетъ нашъ судья въ захолустьѣ и при нашихъ любимыхъ инстинктахъ произвола? Во всякомъ случаѣ единоличный судъ, и еще съ такой удобной для него апелляціей, есть что-то чрезвычайное, уродливое и исключительное. Я писалъ министру юстиціи, что мировые судьи считаются въ Англіи (знаменитыми ея законниками) нарушеніемъ народныхъ оградъ (суда присяжныхъ) и если они распространены и пользуются довѣріемъ, то единственное по личнымъ достоинствамъ джентельменовъ. Такъ представляютъ это учрежденіе Блакатовъ и Гнействъ (см. т. I. гл. IV, стр. 230). Пруссія взяла этотъ институтъ изъ Франціи и только въ Рейнскихъ провинціяхъ. Одни мы считаемъ (себя) Англичанами или тождественными имъ. Потому: вынесетъ-ли всѣ эти тягости земство?

Москва точно въ несчастіи: получены устрашающія вѣсти о болѣзни Наслѣдника-Цесаревича, и Москва трубитъ, что онъ уже скончался. Очень симпатична личность молодого князя; очень любятъ его, какъ сына добраго Государа, воспитанника Московскаго Строгонова и жениха красавицы Дагмары Даніи, такъ дерзко оборванной Нѣмцами. Самые разнообразные и всѣ нелѣпыя слухи ходятъ о причинѣ болѣзни... И это говорятъ, и этому вѣрятъ не какіе нибудь Репетиловы, но люди солидные и высшихъ званій. Ненависть къ этимъ новымъ д'Орлеанамъ (какъ ихъ называютъ) чрезвычайно изобрѣтательна и раздѣляется огромнымъ большинствомъ мыслящаго общества, даже въ рядахъ купечества. Всѣ нововведенія приписываются Константину, а Москва всегда не любила нововведеній.

Наслѣдникъ въ чрезвычайной опасности. У него воспаленіе спиннаго и головного мозга. Сильно ропщутъ на его блюстителей, особенно на гр. Строгонова и медиковъ. Все это Московскія сплетни. Не усиленные-ли занятія, усиленный наставительный вояжъ, безпрестанные переѣзды и перемѣна впечатлѣній? А организація слабая, субтильная. Страшно подумать о несчастіи царскаго дома и Россіи. Но надежды никакой. Молодой человѣкъ умретъ.

Свѣдѣнія одно другаго поразительнѣе. То „раздраженіе мозга усиливается, опасность возрастаетъ“, то „усиленными пособіями приведень въ себя“, и Москва не знаетъ что думать. Въ Петербургѣ, на Ломоносовскомъ обѣдѣ, тостъ „за здоровье Цесаревича“ принять былъ съ такимъ рукоплесканіемъ и ура, продолжавшимся болѣе 5 минутъ, что многіе дамы и мужчины плакали на взрыдъ. Можно-ли умирать при такой любви? Въ Москвѣ эта любовь получаетъ особенное значеніе

потому, что Цесаревича считают партіи Императрицы, а она противъ широкихъ и крупныхъ реформъ, столь ненавистныхъ Москвѣ. Но Цесаревичъ любимъ лично, особенно Москвичами. Биллетени раздаются въ канцеляріи оберъ-полиціймейстера. Человѣкъ говоритъ, что народу всегда такъ много, что пробраться трудно. Послѣдній биллетень: „11 Апрѣля 10 часовъ Его Высочество приобщается св. таинъ, окруженный августѣйшимъ семействомъ; душевное волненіе, сопровождаемое легкимъ бредомъ. Потомъ болѣе покойное состояніе, голова болѣе свободна, чрезмѣрная слабость“. 12 Апрѣля въ полночь онъ скончался. Всѣ этого ожидали, и для всѣхъ извѣстіе было роковою вѣстью. Общее искреннее сожалѣніе. Въ церкви, на панихидѣ, многіе плакали. Во многихъ домахъ точно семейная утрата. Всѣ обвиняють безпечность блюстителей. Глухіе толки доходятъ до нелѣпости. Большое движеніе въ простомъ народѣ. Прекрасный юноша протрадалъ всю Святую и умеръ въ Омино Воскресеньѣ. Поучительное событіе для великихъ міра сего. Это могущество человѣческаго величія и предопредѣленіе судьбы, исполняющееся въ глазахъ сонма науки, любви и попеченій; это увяданіе молодой жизни въ виду южнаго моря и посреди роскошной природы Итальянской весны, этотъ „легкій бредъ“, летающій между невѣстою и гробомъ, между землею и небомъ!

Странное, престранное обвиненіе! Народъ и въ Москвѣ и въ Петербургѣ обвиняетъ въ смерти Цесаревича Великаго Князя Константина. На дняхъ, когда онъ былъ на могилѣ отца въ крѣпости и горько плакалъ, народъ приписалъ это терзанію совѣсти. Наши Москвичи такъ и трубятъ объ этомъ. Все это нелѣпо и глупо, и все это наводитъ тоску и скуку.

Боже мой, еще смерть и какая страшная смерть, уносящая также много надеждъ и упованій. Убить Линкольнъ, въ театрѣ, на поваль. Онъ убитъ посреди торжествъ рѣшительной побѣды Сѣверянъ, по взятіи Ричмонда и Питерсбурга, къ полной славы спасителя союза Соединенныхъ Штатовъ. Убить конечно по подкупу желѣзной партіи Южанъ, мстящихъ за потерю всякой надежды на сопротивленіе Сѣверу. Истый Американецъ, съ необыкновенною силою характера, съ патріархальною простотою нравовъ и съ твердою увѣренностію въ достиженіи своей цѣли, Линкольнъ соединялъ широкій политическій взглядъ, ловкій тактъ господствовать надъ партіями, терпимость и скромность въ отношеніи побѣжденныхъ. Чтò станетъ съ великимъ союзомъ? Счастливый генералъ Грантъ стоитъ во главѣ славной арміи. Не объявить-ли онъ себя диктаторомъ? Мнѣ кажется самая мысль объ этомъ чужда Американской почвѣ. Независимость и особенность самоуправленія штатовъ такъ могущественны, что диктатура, возможная для Вашингтона, нынѣ мате-

риально неисполнима. Никто не имѣлъ на нее столько правъ, какъ Линкольнъ, а онъ не оказалъ и тѣни поползновеній.

Носятся въ воздухъ смерть и отчаяніе. Раздраженіе страстей достигаетъ размѣровъ, при которыхъ жизнь забывается, и посягательство совершается въ какомъ-то изступленіи и ослѣпленіи. Блестящая эпоха наша имѣетъ свои темныя стороны. Самонадѣянность человѣка до забвенія, до отрицанія Бога, самоувѣренность ума и цивилизаціи до пренебреженія вѣры въ высшее предопредѣленіе, утилитарность, матеріализмъ затопляютъ благородные инстинкты будущаго возмездія и самой жизни по Христову ученію.

Вмѣстѣ съ Линкольномъ подвергся посягательству и правая рука его, больной Сьюардъ. Сынъ его убитъ. Теперь Андрю Джонсонъ вступаетъ въ званіи президента. О человѣкѣ этомъ имѣются самыя невыгодныя свѣдѣнія. Пьяный и крайній демократъ. Какъ развернется онъ въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ?

Московскія дамы, по инициативѣ Кати Тютчевой и кн. Маріи Мещерской (рожд. гр. Паниной), задумали поднести принцессѣ Дагмаръ Русское Евангеліе въ богатомъ переплетѣ Сазикова. Это немножко подражаніе Лондону (подарившему Евангеліе невѣстѣ, принцессѣ Александринѣ), но мысль хорошая. Принцесса Дагмаръ, одна изъ дочерей Скандинавской Эдды, невѣста мертваго царевича, земное счастье которой можетъ находить утѣшеніе въ Словѣ Божіемъ. Она не нашей вѣры и не нашей рѣчи, но она изучала и то и другое и дала слово быть Русскою. Про нее сложится легенда съ ореоломъ религіи, мѣа и превратностей земнаго счастья. Говорятъ она ѣдетъ къ намъ и, разъ усвоивъ, Россія ея не отпуститъ.

Министръ юстиціи требуетъ заключеній сенаторовъ на предположенія комисіи о введеніи судебныхъ уставовъ 1864 г. Я вчерась написалъ, жена переписала, и сегодня послалъ. Но, отдавая справедливость членамъ комисіи (8 и 4), я предложилъ и свой планъ: приготовить суды къ принятію реформы. Комисія хочетъ создать новые; я требую удержать нынѣшнее судопроизводство, но измѣнить его и составъ судовъ такъ, чтобы новые уставы, войдя въ старую колею, покатались свободно, не нарушая ни правъ ни привычекъ. Конечно, мое предположеніе не представляетъ ничего новаго. Вмѣсто того, чтобы дробить Россію на округа, я дроблю самые уставы на существенные элементы и ввожу ихъ въ начаткахъ и задаткахъ. Я ввожу гласность передопроса, одну степень апелляціи, лучшее распредѣленіе подсудности и начатки обвиненія и защиты.

Наслѣдника вѣроятно уже привезли, и начнутся церемоніи. Русскій поэтъ встрѣтилъ его при самомъ отплытіи въ Средиземное море. Въ

стихотвореніи князя П. А. Вяземскаго „Вечеромъ на берегу моря“ есть прекрасныя строфы:

1.

Плыветь онъ, молодой царевичъ,
Объятый непробуднымъ сномъ,
И этотъ мѣсяць, эти звѣзды,
Горятъ надъ царскимъ кораблемъ.

5.

Плыветь онъ къ берегу родному,
Гдѣ онъ разцвѣлъ и возмужалъ,
Гдѣ втайнѣ подвигу святому,
Себя въ грядущемъ обрекалъ,

6.

Гдѣ былъ онъ радостью семейной,
Надеждой царства своего,
Гдѣ мать мольбой благоговѣйной
Молила Промыслъ за него:

7.

Чтобъ лучшихъ благъ хранилъ залогомъ
Онъ вѣру, мудрость, кроткій нравъ,
Чтобъ былъ и чистъ онъ передъ Богомъ,
И передъ каждымъ ближнимъ нравъ.

13.

Разрознены судьбиной мрачной
Два бытія родныхъ сердець,
И разомъ царственный и брачный
Съ чела младаго палъ вѣнецъ.

14.

И онъ, царевичъ ненаглядный,
Улада сердца и очей,
Теперь безжизненный и хладный
Пристанеть къ родинѣ своей.

15.

А волны вьются за волнами
Подъ смертоноснымъ кораблемъ,
А мѣсяць свѣтлыми звѣздами
Блестить на небѣ голубомъ.

16.

И мѣсяць, равнодушный къ горю
Корабль снѣжемъ обдаетъ,
И не сдастся снѣгу морю,
Какую скорбь оно несетъ!

Жаль, что Вяземскій не приголубилъ Дагмаръ своимъ стихомъ. Онъ такъ граціозно воспѣваетъ женщину. Впрочемъ принцессѣ посвящено нѣсколько теплыхъ стрѣфъ княземъ Николаемъ Мещерскимъ („Моск. Вѣдом.“ 22 Апрѣля), обратившихъ на себя общее вниманіе.

Теперь въ кружкахъ и въ газетахъ большіе толки о пьянствѣ и средствахъ уменьшенія его. Дѣло поправимое, но въ томъ-ли положеніи нашъ бюджетъ доходовъ, на счетъ которыхъ (другаго средства нѣтъ) предполагаютъ уменьшить пьянство. Эманципація дала свободу; дисциплина ослабла, дворы дѣлятся, бѣднѣютъ и спиваются. Но я думаю цифру въ 125 мил. р. можно принять за норму и остановиться развитіемъ пьянства шинками и штофными лавками. Пьянство губить сбереженія, вносить безпорядокъ и развратъ въ частную жизнь, матеріально портить человѣка и вліяетъ на будущее поколѣніе. Казна, кажется, можетъ отказаться отъ нѣсколькихъ милліоновъ въ виду такихъ страшныхъ послѣдствій, тѣмъ болѣе, что съ распространеніемъ благосостоянія умножатся другіе источники доходовъ. Можно бы возвысить патенты на распивку и штофныя лавки имѣть только въ городахъ. Еще въ 1856 г. въ комитетѣ 1-го д-та Сената, я предлагалъ уничтожить шинки и позволять распивку только въ трактирахъ и харчевняхъ, приводя въ примѣръ Баварію, гдѣ подобный порядокъ имѣлъ очевидное вліяніе на нравственность и виѣшнее облагороженіе народа. Брокъ иронически отозвался, что объ уменьшеніи пьянства много говорено и писано, но теперь уже не говорятъ. Юристъ, сенаторъ Веймарнъ, прибавилъ: да не для того мы и призваны въ комитетъ.

Президентъ Матью Джонстонъ объявилъ, что начальники возстанія будутъ судиться, какъ виновные въ измѣнѣ, и назначилъ большія суммы за поимку Джефферсона Девиса, президента и другихъ представителей южныхъ штатовъ, присовокупивъ, что въ военномъ департаментѣ есть несомнѣнныя доказательства участія ихъ въ убійствѣ Линкольна. Есть какая-то поспѣшность, опрометчивость въ рѣчахъ и распоряженіяхъ Джонсона. Одного объявленія, что будетъ судъ и наказаніе за измѣну союзу, недостаточно. Надобно опираться на законъ. Девисъ дѣйствовалъ по волѣ народной, и слѣдовательно виновать въ измѣнѣ весь народъ южныхъ штатовъ. Иначе Линкольнъ и Грантъ не такъ бы поступили съ Ли, его арміей и Ричмондомъ. Борьба партій дошла до открытаго боя въ массахъ дотолѣ невиданныхъ. Лились рѣки крови, истощалась страна, жертвуя всѣмъ, удивляя міръ своимъ геройствомъ. Какая же тутъ измѣна? Это бунтъ, видъ преступленія, значительно видоизмѣненный вольною конституціею союза и широкимъ самоуправленіемъ Соединенныхъ Штатовъ. Здравая политика, при побѣдѣ, указываетъ на амнистію, съ исключеніемъ главныхъ виновныхъ, которымъ предстоитъ добровольное изгнаніе. Правительство великой республики потеряетъ въ симпатіяхъ друзей своихъ, если отпразднуетъ торжество свое казнями и такими, какими грозитъ Джонстонъ. Казнь южныхъ штатовъ состоитъ въ отмѣнѣ рабства и уплатѣ военныхъ издержекъ въ видѣ срочнаго

займа. Что же касается участія въ заговорѣ на жизнь Линкольна и министровъ, то это дѣло уже суда, и объявленіе президента представляется неблаговременнымъ. Производится слѣдствіе и начнется судъ. Завинять участниковъ не дѣло президента республики. Въ дѣйствіяхъ Джонстона сдаются какія-то личности.

Къ дѣтямъ поступила новая гувернантка *Cécile Campiche*, Женевка, нарочно мною выписанная по рекомендаціи департамента просвѣщенія въ Женевѣ. Къ нимъ же пріѣхала и прежняя гувернантка *Olympe Sonnes* погостить. Доброе и честное это существо жила у насъ три года и оставила единственно потому, что не имѣла никакого авторитета, не имѣя никакого образованія. Это-то заставило меня выписать *Cécile Campiche*, которая была *régente d'une école secondaire*. Дѣвушка молодая, хорошихъ, честныхъ понятій и правилъ и порядочная музыкантка. Дѣти ее полюбили, жена тоже, и она конечно имѣетъ *извѣстную* степень образованности. Эта образованность однако далеко не то, чего я ожидалъ и предполагалъ. Но я надѣюсь, что въ моемъ институтѣ, проведя года два (никакъ не болѣе), она усовершенствуется, лишь бы была охота. Другое не совсѣмъ мнѣ нравится въ ней: у нея нехорошъ органъ, она жуетъ и глотаешь слова. Потомъ, она очень скоро и жива въ своихъ движеніяхъ, и третье, она хотя не очень молода (ей 22 года), но любитъ развлеченія и веселость, и недостаточно сердца, чтобъ внушить дѣтямъ уваженіе къ различію: какъ относиться къ ней въ часы игры и какъ во время уроковъ. Я замѣчаю, что Тата менѣе охотно занимается музыкою. Впрочемъ, подождемъ. Доброй воли поддѣлаться къ намъ у нея довольно, и она, кажется, такъ очарована первыми впечатлѣніями въ незнакомомъ Русскомъ домѣ, что при взаимной оцѣнкѣ и искреннихъ отношеніяхъ дѣло пойдетъ хорошо.

Сгорѣлъ Козловъ, выгорѣлъ Витебскъ, горѣлъ и Симбирскъ, горять города и села. Вездѣ ищутъ Поляковъ и нигдѣ ни Поляковъ, ни шаекъ не находятъ. Оказываются вольности, дешевка и безпечность. Несчастія ужасныя. Истребленіе Козлова напоминаетъ прошлогоднее истребленіе Симбирска. 1500 домовъ, 900 лавокъ и 4 церкви, попъ въ ризахъ и 300 человекъ. Какое-то броженіе стихій. Въ концѣ Мая стоятъ холода. Озимыя поля перепахиваются. Нужда вездѣ крайняя. Блаженствуютъ только въ Петербургѣ, гдѣ право займовъ и ассигнацій производитъ мнимое изобиліе и маскируетъ страшное состояніе всей Имперіи.

Какую встрѣчу устроилъ Петербургъ цесаревичу Николаю! 19 онъ приближался при страшной бурѣ, которая угрожала опасностію всей флотиліи и Датскому кронпринцу и которая нагнала наводненіе на полгорода. Буря была и въ Москвѣ; я самъ видѣлъ въ Петровскомъ

паркѣ вырванныя съ корнемъ большія деревья. Вообще и Апрельъ, и Май стоятъ вѣтряные и холодные.

Исторія съ m-elle Le Tissier теперь занимаетъ и Петербургъ, и Москву. Г-жу эту вывезъ въ Россію Шереметевъ (А. В., какъ онъ самъ говорилъ мнѣ); послѣ него она перешла къ кн. Долгорукову (сыну сенатора Ю. А.) и потомъ ходила по рукамъ, пока не прибрала себѣ N.N., съ которымъ и уѣхала въ Берлинъ. Въ Берлинѣ они захвачены полиціей на желѣзной дорогѣ, разлучены, и герцогъ посаженъ подъ арестъ, исключенъ изъ всѣхъ частей службы и лишенъ Андреевской звѣзды. Эта буйная и пьяная головушка отличается энергіею, грубостію (N—а онъ, на Невскомъ, назвалъ громко дуракомъ) и любезною ему перспективою—служить у Наполеона. Очень хвалятъ Николая Лейхтенбергскаго, приписывая тщательное его воспитаніе Ребиндеру.

Стачка рабочихъ. Уже давно трудъ личный въ ссорѣ съ капиталомъ. Давно бывали и теперь бываютъ схватки между ними, и всегда капиталъ бралъ верхъ надъ нуждою, настоятельною и насущною. Въ Германіи и Франціи въ прошломъ и настоящемъ годахъ созданы по этому поводу законы и регламенты. Но все это мало помогаетъ дѣлу. Схватки и ссоры продолжаются, какъ продолжается противорѣчіе бѣдности и богатства. Сень-Симонъ, социализмъ такъ и втирается въ бюджетъ, которымъ живетъ государство, и въ производительность, которою живетъ общество. Бюджетъ требуетъ подати съ дохода, промышленность вызываетъ сдѣлки рабочихъ съ хозяевами. Шульцъ-Делишъ представляется посредникомъ и предлагаетъ средства возможности терпѣливыхъ соглашеній. Можетъ быть, недалеко время, когда войдетъ въ жизнь и въ букву закона „новое право“, и человѣчество признаетъ новые догматы; но безъ права и догмата жить нельзя, и я думаю, что отсутствіе этихъ главныхъ руководителей есть главнѣйшая причина ненадежности современнаго порядка и запутанности всѣхъ предположеній, основанныхъ на самонадѣянности.

Іюнь. Я давно не писалъ здѣсь, а между тѣмъ и выставка была, мануфактурная (и весьма богатая), и въ деревню я съѣздилъ, и прочелъ 4 тома Тена объ Англійской литературѣ. Дѣло въ томъ, что я занялъ мыслию о судебной реформѣ и предвижу большія затрудненія въ осуществленіи ея согласно уставамъ. Очевидно, что Россія уже не *tabula rasa* Петра I, когда преобразователь вводилъ реформы *a priori*. Очевидно, что она накопила въ себѣ матеріалы и элементы живой организаціи, безъ разрушенія которой спросъ не найдетъ предложенія. Внутри Россіи всѣ ждуть-недождутся этой реформы, и особенно чувствуется необходимость въ вѣрной и сильной мѣстной власти. Я разумѣю мѣстныхъ мировыхъ судей. Надобно пожить въ деревнѣ, чтобы чувство-

вать всю натянутость отношеній и всю тяжесть помѣщиковъ. Потравы и обиды безпрестанныя, а искать иногда рѣшительно не у кого: старшина безгласенъ, крестьянскій судъ безобразенъ, посредники устали.

При общей распущенности наибольшая замѣчается въ школахъ. Тамъ господствуютъ празднословіе, верхоглядство и нигилизмъ. А въ высшихъ сферахъ озабочены не этими язвами, а рѣшеніемъ спора: какія и гдѣ должны быть школы, реальныя или классическія, и послѣднія съ двумя или съ однимъ древними языками. Боже мой, да такія или сякія, все равно, но установите ученіе, возстановите дисциплину, введите порядокъ. Дайте мѣсто требованію, выдержите постепенную терпѣливость и дайте силу авторитету, хоть авторитету опыта. Какая разнужданность въ литературѣ и обученіи! Послушайте чтò говоритъ Писаревъ въ „Русскомъ Словѣ“, чтò говоритъ Соловьевъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“, чтò говоритъ Бобровскій въ „С.-Пбургскихъ Вѣдомостяхъ“. Прислушайтесь къ педагогическимъ совѣщаніямъ въ Петербургѣ и въ Одессѣ. Кажется, здравый смыслъ отлетѣлъ отъ насъ; кажется, нѣтъ для насъ ничего вѣрнаго и положительнаго, кромѣ угрожденія толпѣ и большинству, кромѣ дерзкаго отрицанія и дерзкаго исканія новаго, оригинальнаго и индивидуальнаго. Какъ ни скученъ Катковъ съ его вѣчными подозрѣніями въ интригахъ и заговорахъ сепаратистовъ, но, отстаивая здравый смыслъ и опытъ, онъ уже тѣмъ совершаетъ большую заслугу обществу и государству. Конечно онъ преувеличиваетъ и кричитъ слишкомъ громко; но какъ же не преувеличивать и не кричать громко посреди этого хаоса понятій, сужденій и явленій?

2 Сентября 1865 г. Свобода цензуры и печати. Запишемъ этотъ день. Это большой праздникъ. Мы къ нему, правда, приготовлены либеральными мѣрами нынѣшняго царствованія; но свобода печати по закону, по привычкѣ, есть институтъ столько же нравственный, политическій и воспитательный, сколько умственный и государственннй. Нація признана совершеннолѣтнею, зрѣлою, достойною полного довѣрія и способною управлять своими мыслями, воззрѣніями и словомъ. Посмотримъ, какъ выразится и организуется эта свобода, не вызоветъ-ли она самостоятельное Русское мышленіе и не выработаетъ-ли она Европейскаго Русскаго человѣка.

Какое жалкое положеніе занимаемъ мы въ Шлезвигъ-Голштинскомъ вопросѣ! Мы умѣемъ только переуступать. Конечно, послѣ Итальянскихъ разрушеній и нарушеній, гдѣ Кавуръ явно шелъ объ руку съ шайками Гарибальди, Датская война представляется не честною, но почти законною, раздѣлъ же герцогствъ противорѣчитъ всеѣмъ трактатамъ и нашимъ правамъ. Мы признали Италію, мы молчимъ передъ дерзкимъ Бисмаркомъ, который насъ не спрашиваетъ, не обращаетъ на насъ никакого

вниманія. Внутреннія преобразованія наши требуютъ сдержанности и сосредоточенія усилій дома, но эти дѣла не освобождаютъ отъ удержанія за собою подобающаго положенія и отъ защиты нашихъ правъ и политической чести и дипломатическаго приличія. Нельзя этого дѣла признать Пруссимъ и даже Нѣмецкимъ. Шлезвигъ къ Германскому союзу не принадлежалъ, и права Гольштейнъ-Готторпскаго дома соединены въ особъ Русскаго императора.

Порицанія Пруссіи такъ общи, что вопросъ можно сказать не кончается, а вступаетъ въ новую стадію. Герцогства будутъ сожалѣть о Даніи, надѣлявшей свои земли демократическими учрежденіями. Они узнаютъ Прусскую военную администрацію и юнкерство, столь мало совмѣстныя съ желанною для герцогствъ конституціею. Германскій національ-ферейнъ подниметъ голову, заведетъ морскую силу и усилитъ пропаганду. Если и у Нѣмцевъ нѣтъ уваженія къ трактатамъ, то господство нивелирующаго духа должно быть такъ сильно, что Бисмаркъ повторяетъ Кавура, и королевская партія работаетъ на демократовъ.

Пребываніе Царской семьи въ Ильинскомъ чрезвычайно скромно. Погода ненастна, овацій нѣтъ, и ихъ не желаютъ. Москву Государыня не любитъ. Дворянская Москва не любитъ Государя. При приѣмѣ Государь обошелся съ дворянствомъ очень холодно, предводителю Шипову (Дм. Павл.) сказалъ довольно жесткія слова, генераль-губернаторомъ назначилъ (и не военнымъ, а простымъ) молодого генераль-лейтенанта князя Долгорукова (Владим. Андр.) вовсе Москвѣ неизвѣстнаго, а Петербургу извѣстнаго своимъ ограниченнымъ умомъ, своими спекуляціями и волокитствомъ. Москва видимо падаетъ, и хотя „Москов. Вѣдомости“ пишутъ, что въ словѣ Москва выражается цѣлая система понятій, началъ и политическихъ убѣжденій въ чисто-Русскомъ, національномъ, государственномъ смыслѣ, но Москва падаетъ. Общество разнится; Сенатъ уничтожается, о вельможествѣ и помину нѣтъ; самый Кремль застроенъ новыми зданіями, освѣщеніе дурно, воды мало, мостовая плоха, грязи и лохмотьевъ множество, нищихъ и пьяныхъ еще болѣе. Самые авторитеты митрополита и университета исчезаютъ. Даютъ еще нѣкоторый рельефъ развивающаяся фабричность и смѣлыя статьи въ „Москов. Вѣдомостяхъ“ и въ „Днѣ“ Каткова и Аксакова. Для нихъ Петербургъ личный врагъ. Слово „Петербургскій“ значитъ враждебный Россіи, презрѣнный, насильно навязанный, близорукой. Но публичный судъ и свобода печати принесутъ новое значеніе Москвѣ и едва ли невысшее нежели древнее, съ болѣшими сплетнями и пересудами Англійскаго клуба и золотыхъ салоновъ. Москва—непремѣнная оппозиція Петербургу; но теперь оппозиція будетъ опираться на гласность и разноситься въ листахъ по всей Россіи. Петербургъ, кромѣ законовъ,

не даетъ ничего и безпрестанно требуетъ податей и рекрутовъ; его любить нельзя, его бояться, и потому слушаются. Москву любятъ, и потому будутъ слушаться. Оппозиція проберется въ суды, и Петербургскому приказу Москва противопоставитъ общественное мнѣніе. Поэтому бы съ Москвою надобно быть въ ладахъ.

Сегодня, 14 Сентября поутру, скончался сенаторъ Ребиндеръ Николай Роман.*). Онъ родился въ 1812 г., учился въ высшемъ училищѣ и началъ службу по таможенной части. Я засталъ его начальникомъ (распорядительнаго) отдѣленія въ 1840 г. и потомъ правителемъ канцеляріи министра юстиціи. Не сойдясь съ гр. Панинымъ, онъ перешелъ вице-директоромъ въ департ. иностран. исповѣданій и строилъ Римско-католическую коллегію, устраивалъ Римско-католическую академію. Это было при Скрипицынѣ, когда дѣятельность директора абсорбировала всю администрацію. Потомъ онъ потерялъ жену (Елисавету Ѳедоровну, рожден. Козляинову). Постоянно желчный, раздражительный и недовольный, разстроился еще болѣе и уѣхалъ градоначальникомъ въ Кяхту. По словамъ его, это лучшее время его жизни. Въ Сибири онъ былъ здоровъ и въ спокойномъ и даже веселомъ расположеніи. Здѣсь онъ встрѣтился съ семействомъ ссыльнаго Трубецкаго и женился на его дочери, еще при жизни ея матери, урожденной Лаваль, сестры графини Борхъ. При ихъ содѣйствіи онъ назначенъ былъ попечителемъ округа въ Кіевъ, а потомъ въ Одессу, откуда перемѣщенъ директоромъ д-та народнаго просвѣщенія и наконецъ, въ 1862 г., сенаторомъ въ Москву, въ 3-й департаментъ. Не мнѣ оцѣнивать служебную его дѣятельность. Она была чрезвычайно разнообразна, потому перемѣнчива и вездѣ кратковременна. Съ особеннымъ удовольствіемъ онъ вспоминалъ о Сибири. Въ Кіевѣ ропталъ онъ на преобладаніе католицизма, въ Одессѣ негодовалъ на порядки своего предмѣстника (д-ра Пирогова). Но я могу говорить о человѣкѣ. Это была личность чистая, благородная, рыцарская. Онъ никому не льстилъ и не угождалъ и ничѣмъ не стѣснялся въ возраженіяхъ за правду и въ защиту самостоятельнаго мнѣнія. Миръ праху твоему, товарищъ! Много ты перенесъ. Пора успокоиться.

Пребываніе Царя съ семействомъ въ Ильинскомъ и въ Москвѣ не имѣло и едва-ли могло имѣть какое нибудь значеніе. Все это дѣлается на скорую руку, торопливо. Некогда остановиться, некогда обдуматься. Кажется, смѣною Офросимова и холодностію съ дворянствомъ Государь хотѣлъ дать почувствовать свое неудовольствіе. Предводителю дворянства, Дмитрію Павловичу Шипову онъ положительно сказалъ: передайте

*) Небольшая біографія, написанная Ѳ. Чижовымъ (товарищемъ по ученью) въ „Дѣлѣ“ отъ 15 Сентября, въ Славянофильскомъ духѣ.

дворянству, что если при этихъ выборахъ будутъ какіе либо безпорядки, то съ виновными будетъ поступлено по всей строгости законовъ. Но все это не помѣшало ему принять ласково бывшаго оратора прежнихъ выборовъ, молодого Звенигородскаго предводителя Дм. Дм. Голохвастова, который въ импровизациі своей назвалъ Петербургскихъ правителей опричниками. Вообще Государь все болѣе и болѣе выказывается слабо-властнымъ и непослѣдовательнымъ.

Я сей часъ прочелъ передовую статью „Москов. Вѣдом.“ 26 Сентября № 210 о субсидіяхъ газетъ „Голосъ“. Если это патриотическій подвигъ гражданскаго долга, то редація заслуживаетъ гражданской короны, т. е. если подозрѣнія ея о существованіи партіи, враждебной призванію Русскаго правительства, въ средѣ этого самаго правительства, основательны и подтверждаются. Но если это одни извѣты мнительнаго и подозрительнаго журналиста, хотя бы патриота и благонамѣреннаго, то редація заслуживаетъ суда или по крайней мѣрѣ „предостереженія“. Вообще „Московск. Вѣдомости“ и „День“ выражаютъ систематическую оппозицію и только ловкими двусмысленными оборотами отклоняютъ прямое обвиненіе. Если за статью эту не послѣдуетъ предостереженія, то указываемая партія въ правительствѣ есть, и ей рано разоблачаться и выгоднѣе смотрѣть на смѣлаго бойца сквозь пальцы. Партію эту ставятъ подъ знамя Великаго Князя Константина, и вліянію ея приписываютъ поощренія сепаратизма по окраинамъ Россіи и замѣшательство дѣлъ и порядковъ внутри ея, гдѣ всѣ сословія недовольны и всѣ ропщутъ на незрѣлыя уновленія, на застои промышленности и разстройство отъ безденежья и низкаго курса. Но какая же цѣль подобной партіи? Перемѣна династіи? Ну статочное-ли это дѣло!

Статья о субсидіяхъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ предостереженія, что за нѣсколько дней „Сѣверная Почта“ предупредила, очевидно полуофициальнымъ тономъ, что продолженіе подобной политики должно прекратиться. „Московскія Вѣдомости“ накинулись именно на это предупрежденіе. Скандаль достигъ высшей степени: гласность объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе, что въ правительствѣ существуетъ партія, враждебная Россіи и призванію ея правительства и помогаетъ „Голосу“, который есть ничто иное, какъ „Современное Слово“, запрещенное въ 1863 г. (слѣдовало сказать 1865 г., ибо Ахшарумова газета издавалась всего 11 №№ въ нынѣшнемъ году. Или здѣсь рѣчь о газетѣ Писаревскаго). Подождемъ, посмотримъ, не заждемся.

Графъ Сологубъ такъ много говорилъ мнѣ о своихъ преобразованіяхъ въ смиренно-рабочемъ домѣ (въ Преображенскомъ, подъ Москвою), что я, не смотря на мою неудачу въ посѣщеніи такъ называемой

исправительной школы подъ Симоновымъ*), рѣшился посмотрѣть это важное наказательное учрежденіе. Особеннаго ничего нѣтъ: помѣщеніе, одежда и самое содержаніе чрезвычайно плохо, едва-ли не хуже губернскаго. Но честь и слава гр. Сологубу за водвореніе и устройство работъ артелями. Онѣ идутъ хорошо и держатся исключительно Сологубомъ, который конечно обѣщаніемъ наградъ уговорилъ четырехъ купцовъ дать инструменты и матеріалъ и установилъ довольно низкую таксу. Работаютъ мѣсяца два, а у нѣкоторыхъ, по книжкамъ, находится въ артели болѣе 10 р. Но на долго-ли потянетъ Сологуба? Я еще въ прошлый прїѣздъ министра юстиціи обратилъ его вниманіе на несообразность нашихъ наказательныхъ учреждений и всей системы наказаній, потерявшей свой характеръ устрашенія и не выражающей, какъ въ остальной Европѣ, никакихъ даже зачатковъ начала исправленія или улучшенія преступника. Я представлялъ, что продолжительная каторга и „поселить въ Сибири навсегда“ и лишеніе правъ безъ возвращенія когда либо и безъ *rehabilitatio* нигдѣ не существуютъ и что наказаніе не должно быть рутинною, а постепеннымъ развитіемъ исправительныхъ стадій, какъ введено въ Ирландскихъ тюрьмахъ. Замятинъ мнѣ не отвѣчалъ, и я 10 прошлаго Сентября счелъ себя въ правѣ обратиться къ Валуеву, который на дняхъ увѣдомилъ меня (въ общихъ фразахъ), что для министерства собираются свѣдѣнія въ Бельгіи и Ирландіи.

Все это однако не мѣшало бы поправить и лучше содержать существующіе тюремные замки и рабочіе дома. Достаточно посмотрѣть Московскіе, чтобы видѣть, какъ здѣсь дурно и безопасно и какъ съ малыми средствами можно было бы улучшить и помѣщеніе, и содержаніе. NB. Въ рабочемъ домѣ 6 арестантовъ обратились ко мнѣ съ жалобою на прокурора, пропустившаго ихъ въ списокъ лицъ, удостоенныхъ Государемъ помилованія на одну степень. Помилованіе это объявлено за то, что арестанты служили молебень о здравіи покойнаго Наслѣдника, когда разнеслась вѣсть о опасномъ состояніи и послали цвѣты на его гробъ, когда онъ привезенъ былъ въ Петербургъ. Научилъ ихъ сдѣлать это священникъ замка. На вопросъ мой, какъ они узнали о царской милости, арестанты отвѣчали, что читали въ газетахъ. Не въ Сенатскихъ-ли? Въ какихъ (нигдѣ не напечатано), и какъ вы ихъ полу-

*) Посѣтилъ я школу 23 Іюня и при самомъ первомъ знакомствѣ съ ея устройствомъ, послѣ всего, писаннаго о ней такъ много въ газетахъ, тотчасъ увидѣлъ всю несостоятельность этого заведенія. Бывшіе на лицо 11 мальчиковъ всѣ подъ слѣдствіемъ и безпрестанно требуютъ къ допросу (верстъ за 6). Желая помочь школѣ, А. Н. Стрекаловой ради, я далъ для переплета пять книгъ и потомъ два мѣсяца возился, чтобы выручить ихъ и выручить только при содѣйствіи полиціи. А чего не писали г. Завалишинъ и др.?

чаєте? Оказалось, что нѣкоторые изъ арестантовъ замка поступили въ рабочій домъ и принесли эту благую вѣсть. Ну что бы Государю, не ослабляя правосудія, задать обѣдъ съ двумя блюдами говядины!

Нашъ климатъ и наши пространства суть главныя причины нашей бѣдности и нашей отсталости. Съ дарованіемъ разныхъ правъ и вольностей, съ освобожденіемъ печати и при усиленной дѣятельности умовъ нельзя, чтобы общій уровень народнаго сознанія своего достоинства и Русскаго самостоятельнаго возрѣнія не поднялся противъ прежняго, очень сжатаго и очень низкаго; но бѣдность остается бѣдностію, и политическіе порядки богатыми насъ не сдѣлаютъ. Бѣдность эта теперь и чувствительнѣе, и оцутительнѣе, потому что требованія и личныя и общественныя значительно усилились и умножились. Мы жили и живемъ долгами и безъ займовъ обойтись не можемъ. Растутъ требованія (бюджетъ готовъ съ 250 прыгнуть до 400 милліон.), растутъ недоимка (уже къ 1 Сентября насчитываютъ 24 милл., въ томъ числѣ $\frac{1}{4}$ на акцизы съ вина и $\frac{1}{8}$ отъ таможенъ. NB: Значить привозятъ мало, значить вывозятъ—тоже), растутъ и долги. Мы скоро дойдемъ до 2000 милліоновъ, до 100 милліоновъ рублей однихъ процентовъ. Особенно бѣденъ народъ; сократить его крайне скудные расходы нельзя, а сборы увеличиваются, дешевое вино пьется легонько. Выкупные и оброчные платежи выбираются туго, и бѣдные крестьяне подвергаются аукціону. Кажется, не избѣжать и намъ пониженія оцѣнокъ и обязательнаго выкупа. Исполненные добросовѣстно они немного стѣснять помѣщиковъ и преимущественно помѣщицу-казну, но много облегчать крестьянина, ибо и небольшое ему очень чувствительно. Не думаю, чтобы лучшаго распределенія налоговъ и повинностей дождались мы отъ земскихъ учрежденій: какъ ни либеральны они, но долго будутъ и останутся односторонними, по преобладающему элементу землевладѣльцевъ.

Еще однимъ великаномъ меньше. Пальмерстонъ скончался. Шестидесятъ лѣтъ потрудился онъ для благоденствія и славы Англіи и до послѣднихъ дней сохранилъ могущественное вліяніе силы своего генія и огромной своей опытности. Онъ былъ исключительно Англичанинъ, и за этимъ горизонтомъ, внѣ предѣловъ Англійскихъ интересовъ, весь міръ интересовалъ его только по возможности соприкосновенія его съ этими же Англійскими интересами. Онъ былъ противъ коренныхъ реформъ и приверженность свою къ *statu quo* могъ, не безъ законнаго самолюбія, гордо оправдывать тѣмъ богатствомъ, тѣмъ величіемъ, какихъ Англія достигла подъ его управленіемъ. Онъ былъ открытый врагъ Россіи. Нарастаетъ новое поколѣніе, и съ разширеніемъ выборнаго права (чего надобно ожидать) Англія готовится къ обновленію, долженствующему совершиться не въ смыслѣ Пальмерстоновскихъ порядковъ.

Новыя правила судопроизводства 11 Октября обнародованы для *старыхъ* судовъ. Они очень хороши и именно хороши по тремъ причинамъ: они практичны и ничего не ломаютъ; они могутъ быть введены вездѣ и немедленно, и 3-е, они согласны съ моими предположеніями, изложенными въ представленномъ моемъ мнѣніи о порядкѣ введенія уставовъ 1864 г. Ими допускаются гласность, свобода объясненій подсудимаго, и упрощаются подсудность и апелляція по уголовнымъ дѣламъ.

Читая агитаціи и споры о значеніи Русскаго языка въ дѣлахъ (Остзейскаго края, я припомнилъ, что въ Сентябрѣ 1844 (22 года тому), обозрѣвъ тамошнія тюрьмы, гдѣ большинство Русскихъ и Евреевъ, я представилъ министру, что тамъ „Русскаго человѣка, въ Русскомъ государствѣ, допрашиваютъ понѣмецки“, и заключилъ о необходимости вопроса на языкъ подсудимаго, а равно и о объявленіи ему приговора на томъ же языкѣ. Я не думалъ, чтобы это могло встрѣтить какое либо препятствіе въ отношеніи Русскихъ, потому что мѣстные чиновники знаютъ порусски. Предположеніе мое было принято какъ гр. Панинымъ, такъ и гр. Блудовымъ, по докладу послѣдняго одобрено Государемъ и въ Ноябрѣ того же 1844 г. сообщено генераль-губернатору. Желая узнать теперь объ участи этого предположенія, я обратился къ генераль-губернатору, и гр. Петръ Андр. Шуваловъ увѣдомилъ меня, что предположеніе это превращено въ установленіе при судахъ переводчиковъ, вызвавшее обширную переписку съ разными сословными представительствами, и въ 1850 году, какъ дѣло рѣшеное, окончательно сдано въ архивъ, гдѣ и лежало до полученія моего письма. Нынче я послалъ записку къ министру и спрашиваю: ужь не сдано ли оно въ архивъ и въ министерствѣ? Весьма можетъ быть. Нельзя въ этомъ винить Остзейцевъ однихъ; имъ естественно не желать вторженія Русскаго языка въ ихъ привилегированную среду. Виноваты здѣсь Петербургскія канцеляріи и Остзелялюбивые начальники. Но какъ же допрашивать, судить и осуждать Русскаго, въ Россіи, понѣмецки? Для меня не только какъ Русскаго, но просто какъ юриста, невысказанъ подобный порядокъ при закрытомъ судѣ.

Другое обстоятельство, въ которомъ я сильно столкнулся съ Нѣмецкою нашею автономіей, это въ вопросѣ объ апелляціи по дѣламъ уголовнымъ. Нѣмцы сильно отстаивали *de non appellando*, и гр. Блудовъ, все тотъ же гр. Блудовъ, выручилъ Нѣмцевъ. Споръ этотъ напечатанъ въ 1 т. Сборника рѣшеній Прав. Сената 1864 г. подъ № 686, на стр. 996, подъ скромнымъ заглавіемъ: объ освобожденіи членовъ оберъ-ландгерихта отъ выговора и взысканія по дѣлу Соколова. Я долженъ прибавить, что окончательное рѣшеніе вопроса *de non appellando* послѣдовало, когда я уже оставилъ судебное вѣдомство, и рѣшеніе это

произвело громкую радость въ добрыхъ Нѣмцахъ всѣхъ городовъ трехъ Русскихъ губерній.

Вотъ и начало гласности! Въ Московскихъ департаментахъ и общемъ собраніи присутствуетъ публика, и даже дамы, и даже княгини. Надобно полагать, что публика должна разочароваться, потому что спектаклю недостаетъ ни дѣйствія, ни характеровъ, ни даже декорацій. Секретарь или оберъ-секретарь доложить довольно подробно обстоятельства дѣла, публика удаляется, и начинаются дебаты, которые собственно и могли бы интересовать постороннихъ. Въ общемъ собраніи и въ 7-мъ д-тѣ (Московскія дѣла) случились повѣренныя, и потому были объясненія и довольно адвокатскія. Но въ 8 д-тѣ, когда, послѣ перваго дѣла, публика вошла въ присутствіе для слушанія втораго дѣла, троихъ изъ любопытныхъ уже не было, а всѣхъ-то было 8-мь. Въ департаментахъ это можетъ устроиться, и хорошо и съ пользою. Если допустить состязаніе сторонъ, защиту подсудимаго, то и судьи и зрители могли бы имѣть назиданіе и вѣрнѣе усвоить сущность процесса. Подождемъ. Великое начало положено. Оно разовьется и принесетъ плоды. Да здравствуетъ реформа удобоисполнимая, крайне полезная и способная усовершаться!

При дворѣ и въ обществѣ много говорятъ о сватбѣхъ фрейлины Тютчевой (Анны Ѳедоровны) съ Славянофиломъ Иваномъ Сергѣевъ Аксаковымъ издателемъ прекращаемаго „Дня“ *). Дѣйствительно, это немножко странно. Придворная сфера, въ которой жила Тютчева около 10 лѣтъ, какъ воспитательница Великой Княжны, какъ ближайшее лицо къ Императрицѣ, пользовавшаяся вліяніемъ, не имѣетъ ничего общаго съ скромнымъ кабинетомъ редактора, правда весьма даровитаго и при томъ прекраснаго человѣка. Дядя и тетка невѣсты, Сушковы объяснили мнѣ это тѣмъ, что придворная жизнь всегда тяготила умную головку, независимый характеръ которой нисколько не согласовался съ натянутымъ этикетомъ и пустою церемонностію двора; а между тѣмъ шесть лѣтъ пламенной любви не любимаго человѣка доказывали всю прочность и безкорыстіе чувства. И она рѣшилась. Другіе объясняютъ иначе, и полученное мною письмо (отъ статсъ-секретаря Гагемейстера) подтверждаетъ это иное объясненіе. Тютчева потеряла довѣріе Императрицы и видѣла, что ея тяготеютъ и даже даютъ ей это чувствовать. Надобно было найти выходъ, и она выходитъ за мужъ, увѣряя, что это давно было рѣшено, но что она отказывалась, желая докончить

*) Это бракосочетаніе состоялось 11 Января 1866 года, въ Москвѣ, въ домовой церкви барона М. А. Боде. Иванъ Сергѣевичъ говорилъ мнѣ, что онъ влюбился въ умъ Анны Ѳедоровны и что они оба готовили себѣ счастье на осень дней своихъ. П. Б.

первоначальное воспитаніе Великой Княжны, а теперь рѣшается, такъ какъ Княжна должна начать серьезные классные уроки съ учителями и специалистами. Впрочемъ за годы воспитанія и во вчманіи къ сдѣланнымъ жертвамъ нѣсколькихъ лѣтъ фрейлина Тютчева получаетъ 5 т. р. пансіона и приданое отъ Императрицы. Я полагаю, что это придворная интрига, а бракъ съ Аксаковымъ дѣлается вѣроятно по старой памяти. Тютчевой около 40 лѣтъ, но она свѣжа и съ виду молода, а Аксакову должно быть около 42 или 43.

Итакъ гласность втирается всюду. Газеты и журналы держатъ себя хорошо, съ достоинствомъ и сдержанно. „Москов. Вѣдомости“ напали на Министерство Просвѣщенія и отдѣлываютъ Головнина, какъ говорится, на обѣ корки, отдѣлываютъ даже несправедливо, особенно въ № 235 Октября 28. Здѣсь редакція явно смѣшала мнѣнія членовъ Государствен. Совѣта съ высочайше утвержденными мнѣніями Государств. Совѣта. Я полагалъ, что будетъ „предостереженіе“, но, кажется, обошлось такъ. Но чтб же это за министр, котораго можно обносить даже ложно? И никто за него не вступится. Редакція тоже съ напоромъ отдѣлываетъ и сепаратизмъ и защищаетъ Русскій языкъ и Русское достоинство. Нѣтъ врага злѣе для сепаратистовъ и организованныхъ инородческихъ привиллегій. Въ этомъ смыслѣ „Москов. Вѣдомости“ имѣютъ огромное значеніе и большую силу. Онѣ сьумѣли стать высоко и твердою ногою и умѣютъ соединить это положеніе съ лестнымъ для Русскаго восхваленіемъ Русскаго элемента, Русскаго единства и жертвъ Русскаго народа.

Гласность суда прививается тоже хорошо; я и многіе удивлены, какъ это простое начало прилагается просто. За то паническій страхъ напалъ на храбрыхъ дивизионеровъ-сенаторовъ, большую частію искалеченныхъ и малограмотныхъ. „Вѣдь можетъ явиться такой говорунъ, что собьетъ и насмѣется надъ нами“, говорилъ старикъ-калѣка Самаринъ. „Пройдетъ немного, и они научатся и будутъ сидѣть и распорядиться лучше нашего брата“. Другое неудобство публичности, это наша формальная система доказательствъ, такая щедрая на „подозрѣніе“. Стороннему непонятно (какъ они не юридически выражаются) „такое легкое наказаніе“. Впрочемъ посѣтители при рѣшеніи не присутствуютъ и его не знаютъ. Третье неудобство—это наше помѣщеніе: оно тѣсно, и публикѣ отдѣляется самое незначительное пространство.

Первую публикацію въ (С.-Петербург.) газетахъ о допущеніи къ присутствію при докладѣ сдѣлалъ председатель Владим. Гражд. Палаты. Она напечатана въ объявленіяхъ перваго столбца Вѣдомостей въ № 285 Ноябрь. 11 (Октябр. 30) 1865 г.

Въ настоящее время все измѣнилось, все, и мы живемъ въ средѣ общества и порядковъ, совершенно иныхъ, въ которыхъ прежняя жизнь держится только слабымъ преданіемъ и рутинною привычкою. Я не вполне вѣрую въ ожидаемыя послѣдствія совершенныхъ реформъ, но не могу же я не видѣть, что онѣ дарованы великодушно и совершены добросовѣстно.

Честь и слава Государю и честнымъ исполнителямъ его воли!

Великія преобразованія такъ выворотили общество, такъ прямо обрушаются на привычки и обычаи и такъ мало приготовили для себя элементовъ усвоенія, что порождаютъ два совершенно различныя явленія: или совершенное недовѣріе, ожидающее отъ сплошной ломки какого-нибудь взрыва, или излишнюю довѣрчивость, доходящую до вѣрованія въ сверхъестественное. И то и другое явленіе столкнулись въ томъ общемъ послѣдствіи, которое можно бы назвать оплошность, выражающаяся въ апатичности однихъ и въ самоочарованіи другихъ. Главная форма нашего общественнаго быта есть анархія и перемежающаяся диктатура.

Печати дана свобода, а правительство не обращаетъ на нее никакого вниманія. Кредитный рубль нашъ упалъ, а правительство исключаетъ его изъ обращенія въ Финляндіи, которой „бѣдность не въ состояніи нести такія утраты“. Тамъ рубль по курсу. Вольное Экономическое Общество, по случаю столѣтняго юбилея, созвало землевладельцевъ со всѣхъ концовъ и приготовленные вопросы разработало такъ, какъ разсуждаютъ послѣ сытнаго обѣда въ кружкѣ вольныхъ собесѣдниковъ.

Въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ обнаружены очень неблаговидные поступки товарища и участіе въ банкѣ Френкеля гофмейстера Набокова, и все это прошло мимоходомъ. Въ департаментѣ таможенныхъ сборовъ сдѣлали такое изданіе тарифа въ Іюнѣ мѣсяцѣ, за которое при Николаѣ виновные пошли бы въ солдаты, а теперь это кончилось исправленіемъ ошибокъ (числомъ болѣе 70) въ циркулярѣ, напечатанномъ (экая наглость!) въ официальномъ „Указателѣ“ Министерства.

Общественное мнѣніе, университеты, печать и хозяйственныя общества всѣ рѣшительно и энергично выразились противъ устава Петровской Академіи, а уставъ этотъ, изволите видѣть „начертанный по указанію Государя Императора“, утвержденъ, и участвовавшіе получили большія аренды за свои подвиги. Преступленія усиливаются и до такой степени, что Ревельское общество требуетъ примѣненія смертной казни.

Въ 1864 г. банкъ обмѣнялъ фальшивыхъ билетовъ на 700 т. р., а нынче только и слышишь, что о поддѣлкѣ, въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ, Нижнемъ. Ужъ не постановить-ли и за это преступленіе смертную казнь?

Введеніе судебной реформы исполнено страховъ за полновластіе мировыхъ судей, для которыхъ переходныя правила уже отступили отъ текста закона. Эти мировые судьи и эти отвратительныя волостныя суды, безъ апелляцій, сдѣлаютъ то, что въ уѣздѣ жить будетъ нельзя.

Все въ такомъ броженіи, что остается выжидать окончательной установки, а установки этой очевидно не дождешься; ибо новое зданіе, возведенное на сторонѣ, требуетъ новой ломки для пригонки и припоровки.

Украины Имперіи чувствуютъ, что всѣ эти преобразованія клонятся къ сліянію, и со всѣхъ концовъ раздаются протесты и возраженія, еще болѣе дѣлающіе невозможнымъ соглашеніе интересовъ, доселѣ раздѣльныхъ.

Хронику писать теперь излишнее. Она вся въ современныхъ газетахъ. Газеты выражаютъ вѣрно и самое раздраженное положеніе общества, и самыя радикально противоположныя воззрѣнія разныхъ партій и ихъ органовъ.

Ноября 8-го скончался незапно отъ удара сенаторъ Ждановъ Семень Романовичъ. Это былъ человекъ лѣтъ 70, большой дѣлецъ, поклонникъ стараго поколѣнія, свой человекъ у министра Ланского, у кн. Орлова, съ камердинеромъ котораго онъ тщеславно выставлялъ свою дружбу, могущественный правитель канцеляріи гр. Строгонова (въ Харьковѣ) и у всѣхъ Петербургскихъ генераль-губернаторовъ, особенно при Кавелинѣ, во время сумашествія котораго онъ былъ главнымъ начальникомъ. По вступленіи въ управленіе министерствомъ Валуева, Ждановъ долженъ былъ оставить департаментъ полиціи, сдѣлавшись членомъ Совѣта, былъ употребляемъ по разнымъ порученіямъ, и между прочимъ въ крѣпостной*) политической комиссіи князя Александръ Голицына и въ слѣдственной комиссіи о социализмѣ въ Петербургскихъ воскресныхъ школахъ. Счастливыя открытія въ этомъ дѣлѣ обратили на него вниманіе, и въ награду онъ назначенъ сенаторомъ въ Іюнь 1864 г. Назначеніе, противъ его желанія, онъ получилъ въ Москву, и высокая награда, какою ему представлено это пожалованіе, разлучала его съ домомъ и дачей въ Петербургѣ, съ семействомъ, обычною средою и совершенно его разстроила. Огромные пожары въ Симбирскѣ вызвали его снова къ слѣдственной дѣятельности, и онъ

*) Т. е. въ комиссіи, завѣдавшей въ Петропавловской крѣпости? П. Б.

около 13 мѣсяцевъ провелъ въ Симбирскѣ, съ большою свитою, доискиваясь политическихъ поджигателей („Моск. Вѣдом.“ 20 Ноября, статья Михаила Лонгинова. „Соврем. Лѣтопись“ 21 Ноября изъ Симбирска). Обѣ прославляютъ незаслуженно Жданова. (См. „Спбр. Вѣдомости“ 1865 г. 28 Декабря). Говорятъ, онъ нашелъ ихъ въ лицѣ полковника и майора Самарскаго полка и съ дѣломъ и обличеніями спѣшилъ въ Петербургъ, чтобы, за новую заслугу, добиться наконецъ перевода въ Петербургъ и соединиться съ семействомъ. Смерть постигла его на дорогѣ въ Нижнемъ. Носились общіе слухи, что онъ отравленъ Поляками. Я имѣю нѣсколько писемъ изъ Симбирска, въ которыхъ говорится, что онъ держитъ себя совершенно уединенно и постоянно жалуется на нездоровье. Ждановъ пользовался всегда плохою репутаціей. Не зная судебныхъ порядковъ, онъ никогда не могъ быть полезнымъ сенаторомъ. Это былъ дѣлецъ, юсъ, старый подъячій, какіе все болѣе и болѣе сглаживаются въ нашей скоропеременной администраціи.

Вотъ кончились и (вторыя) дворянскія собранія или выборы. Они продолжались два дня: доказательство важности собраній этого важнаго сословія. Князь Левъ Гагаринъ выбранъ предводителемъ, почти единогласно, и ему дали обѣдъ съ тостами и спичами. Но не въ томъ дѣло. Дѣло въ томъ, что новый генераль-губернаторъ придумалъ и согласился съ прочими (а прочихъ немало: епископъ Леонидъ, редакторъ Катковъ и говоруны изъ дворянъ) сгладить, въ грязь втоптать прежнія постановленія, увѣрить, что никакой агитаціи не было, что всѣ газетныя вѣсти просто ложь и выдумка*). А настоящая-то ложь есть

*) С. А. Соболевскій вложилъ въ уста новаго генераль-губернатора такое обращеніе къ Государю:

Наѣвшись шей, напившись квасу,
Ихъ разобралъ патріотизмъ.
Хоть въ двѣсти семьдесятъ два гласа,
Но безопасенъ сей цивизмъ.
О, царь! Исполни ихъ желанье.
Пусть въ два кружка ихъ соберуть.
Поврѣтъ Дворянское Собранье,
Поперевереть и Лучшій Людъ.
Съ Дворянской Думою мы сладимъ
Легко, безъ грознаго „молчи“!
Коль ихъ надеждою поманимъ
На камергерскіе ключи.
Потомъ, лишь будь уха стерляжья,
Икрой зернистой лишь корми,
Шампанскимъ глотки лишь увлажъ я
И слажу съ Лучшими Людьми.

Затѣмъ князю Владимиру Андреевичу прибавлено къ жалованью нѣсколько тысячъ рублей на угощеніе Москвичей. П. Б.

нынѣшнее постановленіе дворянства, приторное повтореніе о „любви и преданности обожаемому Монарху“. Дворянство увѣряетъ, что крамольное предположеніе его „было доведено до свѣдѣнія Его Величества не отъ лица самаго дворянства, которое могло бы чрезъ своихъ депутатовъ представить въ истинномъ свѣтѣ руководившія имъ намѣренія и свидѣтельствовать предъ августѣйшимъ Монархомъ о чувствахъ безпредѣльной преданности дворянства и проч.“ Протоколъ этотъ на другой же день напечатанъ въ „Московск. Вѣдомост.“ 16 Ноября (№ 251), гдѣ напечатана и проповѣдь Леонида уже не о дворянскихъ правахъ, какъ въ Декабрѣ 1864 г., а о „смиренномудріи и кротости, долготерпѣніи, въ союзѣ мира“. На другой день, 17, Катковъ въ передовой статьѣ, насмѣшливымъ и оскорбительно-покровительственнымъ тономъ объяснилъ недоразумѣніе благими намѣреніями, плохо выраженными, и злонамѣренностью *Петербургскихъ* корреспондентовъ, всегда жаждущихъ посѣять рознь и вражду. Все это похоже на какую-то дѣтскую мистификацію, доказывающую, что мы недостаточно серьезно относимся къ самымъ важнымъ вопросамъ и что потому значеніе дворянскихъ собраній кончилось во время. Выростаеъ земство!

Я сей часъ изъ Петровскаго-Разумовскаго, гдѣ открыта Академія сельскаго хозяйства и лѣсоводства. Послѣ обѣдни и молебна мы собрались въ актовую залѣ, гдѣ генераль-адъютантъ, министръ, А. А. Зеленый обратился къ намъ съ рѣчью, изложивъ вкратцѣ основанія и цѣль учрежденія высшаго училища „въ центрѣ промышленности и въ сердцѣ Россіи, Москвѣ“. Основаніемъ выставлена реформа 19 Февр. 1861 г., „которая, *можетъ быть*, будетъ эпохою въ Русской исторіи“. Цѣль—улучшеніе сельскаго хозяйства, устраиваемаго на свободномъ трудѣ. Зеленый заминался и откашливался. Нельзя не замѣтить, что слова: *можетъ быть*, *будетъ эпохой*—несправедливы. Эпоха есть и внесена въ исторію. Во вторыхъ, начало академіи относится не къ 1861 г., а къ Сентябрю 1857 г., когда о реформѣ и слуху не было, но когда пустой льстецъ, Степанъ Алексѣевичъ Масловъ, ввелъ М. Н. Муравьева въ Московское Общ. Сельск. Хозяйства и увѣрилъ тщеславнаго господина, что всѣмъ памятный отецъ его, основатель Общества, Н. Н. Муравьевъ, лелѣялъ, какъ идеалъ, мысль о сельской академіи и обѣщаль ее Москвѣ. Тогда-то расчувствовавшійся министръ торжественно заявилъ „что пріятно сыну исполнить то, что обѣщаль отецъ“. По пріѣздѣ въ Петербургъ мнѣ приказано было заготовить предварительный докладъ Государю. Тутъ реформа 19 Февр. совершенно въ сторонѣ. Въ третьихъ, цѣль академіи что-то не ясна: большія хозяйства падаютъ, а къ малымъ, крестьянскимъ рациональная истина непримѣнима. Этого не объяснили ни министръ, ни говорившій или жевавшій послѣ него директоръ Же-

лѣзновъ, пробавлявшійся болѣе получаса общими фразами, сказанными по складамъ. Въ четвертыхъ, ни тотъ, ни другой не дали себѣ труда подумать, чего стоитъ казнѣ это роскошное заведеніе. Въ разговорѣ со мною министръ сказалъ „всега на все, тысячь 700“. Но я помню, что болѣе. Неѣловъ пояснилъ, что около милліона. Я помню, что болѣе.

Дай Богъ Академіи процвѣтать и шириться. Только я въ этомъ сомнѣваюсь: учесть процентъ ея пользы нѣтъ возможности. Она устроена на такихъ либеральныхъ началахъ, что начальство будетъ радо видѣть, какъ праздные и любопытные прійдутъ, посмотрятъ и уйдутъ, обозрѣвъ въ видѣ прогулки богатыя хозяйства Академіи или выслушавъ экспериментальную лекцію Ильенки въ его обширной лабораторіи. При строгостяхъ Университета, Академія будетъ служить убѣжищемъ.

Сильные толки о нашихъ финансахъ. Общество требуетъ удаленія Рейтерна и назначенія все того же Муравьева. Чрезвычайно ропщутъ на Финляндію, отдѣлившуюся съ своими марками отъ нашей бумажной единицы. Также отдѣляется Главное Общество желѣзныхъ дорогъ, банки Френкеля и Отрѣшкова. Какой это скандалъ! Своимъ вексямъ не вѣрять. И какой этому исходъ? Бумажный рубль все падаетъ, онъ на Парижъ 326. Но не спасаетъ-ли онъ нашу производительность отъ тарифнаго либерализма, грозившаго подавить ее? Можетъ быть. У насъ, навыворотъ, все возможно.

Могущественный органъ Русской печати и Московской партіи, „Москов. Вѣдомости“, требуя коренныхъ мѣръ къ упроченію порядка и спокойствія въ Западныхъ губерніяхъ, такъ характеризуетъ нынѣшнія мѣры: „*Вся сила вопроса заключается въ томъ, чтобы одною справедливою общео мѣрой упразднить необходимость прибѣгать постоянно къ мѣрамъ исключительнымъ и тяжкимъ. Не раззореніемъ, не контрибуціями, не полицейской диктатурой, не развитіемъ чиновничества, не нарушеніемъ правъ, не стѣсненіемъ свободы, не преслѣдованіемъ людей можно достигнуть какихъ либо благонадежныхъ результатовъ*“ и проч., и вотъ важность Муравьевскихъ заслугъ, о которыхъ тѣже вѣдомости отзывались съ такими похвалами! Говоря далѣе о предположеніи Бибикова о Русскихъ майоратахъ, для водворенія Русскаго землевладѣнія, газета выражается, что „эта мѣра встрѣтила препятствія и разрѣшилась въ позорный результатъ“. Здѣсь намекается на нѣкоего Поляка, который занималъ одно изъ вліятельнѣйшихъ мѣстъ при гр. Киселевѣ. Это господинъ „Р—ій, твердо державшійся § 5 и 7 „Польскаго Катехизиса“. Ну можно-ли сказать, что вліяніе Поляковъ было сильно въ 1840-1841 годахъ? И можно-ли сравнить это вліяніе съ тѣмъ, какое мы видѣли при Валуевѣ и Рудницкомъ, вообще при Муравьевѣ, когда все было въ рукахъ Польскихъ чиновниковъ, и самая люстрація, и фермерство про-

изводились въ видахъ вызова неудовольствій въ казенныхъ крестьянахъ. При гр. Киселевъ директорами 2-го д-та были: Клоковъ, Хелмскій, Шелеховъ и Рашевскій, чистые Русскіе. Былъ начальникомъ отдѣленія и вице-директоромъ Крживецъ, Полякъ и съ вліяніемъ. Кто этотъ „Р—кій“, я не знаю.

Земскія учрежденія шумятъ и развиваются. Нельзя не замѣтить три стороны, свойственныя всякому молодому и нашему обществу. Это во первыхъ—чиновничья формальность, выразившаяся въ назначеніи довольно крупныхъ окладовъ и регламентаціи инструкціями; во вторыхъ—фрондѣрство дворянства, которое злорадостно критикуетъ положеніе о земствѣ, дѣйствія предшествовавшей администраціи и особенно „административный произволъ“, о которомъ графъ Шуваловъ сказалъ рѣчь, напоминающую времена рѣшительнаго ожесточенія партій. Какъ въ Январѣ въ Москвѣ дворяне, такъ дворяне земскіе теперь въ Петербургѣ требуютъ центральнаго представительства, и „это уже не встрѣчаетъ противодѣйствія“ (замѣчаетъ крѣпостническая „Вѣсть“, порѣшившая между прочимъ, что „земскія учрежденія, въ настоящемъ ихъ составѣ, окончательно раззорятъ Россію“). Третья сторона это—либеральническое исканіе популярности, якшательства съ крестьянами и стремленіе къ уровненію податей.

Все это не на долго. Насъ ожидаютъ банкротство и большая нужда. Земство не выдержитъ издержекъ, мы годъ отъ года скудѣемъ и государственный deficit растетъ, растутъ недоборы и пошатнулись почти всѣ частныя состоянія. Страна бѣдна для содержанія Европейскихъ порядковъ. Должны выработаться свои.

Декабрь. Усиленіе преступленій все продолжается и растетъ. Преступленія совершаются дерзкія, степныя, дикія. Огражденія полицейскія недостаточны. Мнѣ кажется, пора бы приступить къ организаціи городскихъ и сельскихъ стражъ. Доселѣ вся Россія въ военномъ положеніи часто беретъ верхъ военная подсудность, нерѣдко исполняется смертная казнь, а преступленія все растутъ, нужда пробирается и въ достаточные слои общества. Отмѣна помѣщичьей полиціи, удешевленіе водки и ослабленіе наказаній, съ отмѣною тѣлеснаго, сдѣланы почти одновременно и разнуздали народъ. Къ этому присоединяется раннее увольненіе солдатовъ и реформы гражданскихъ управленій, требовавшія перемѣнъ, личныхъ составовъ. Я воображаю, чтò будетъ въ старыхъ судахъ при совмѣстности ихъ съ новыми. Уже и теперь канцеляріи судебныхъ мѣстъ—жалость смотрѣтъ. Я, бывший оберъ-прокуроръ 6 д-та Сената и теперь тутъ же сенаторъ, я не узнаю прежней канцеляріи. Я не узнаю и доклада и редакціи приговоровъ: такъ понизился уровень талантности и образованія. Въ гражданскихъ, говорятъ, лучше; но я сомнѣваюсь:

правовѣды (изъ Училища) не идутъ, они выжидаютъ назначеній по новымъ штатамъ. Теперь формируются управленія контроля.

Безмѣстные чиновники усиливаютъ контингентъ преступности. А все таки чувствуешь, что живется лучше, что идемъ къ лучшему и что непременно будетъ лучше. Но это лучшее врагъ хорошему, и потому надобно перейти черезъ худшее, которое, какъ переходное зло, выражается въ стѣсненіяхъ обыкновеннаго и въ лишеніяхъ привычнаго.

Возстановивъ противъ себя дворянство, правительство предоставило ему трибуну для фронтёрства и лица лучшихъ фамилій считаютъ долгомъ на дворянскихъ выборахъ и особенно въ земскихъ собраніяхъ первымъ долгомъ считаютъ поглумиться, покритиковать правительство и заявить желаніе или сочувствіе мысли о центральномъ представительствѣ. Правительство, оробѣвшее отъ печальнаго исхода Крымской войны, бросилось задаривать всевозможными реформами, а напуганное дипломатическимъ походомъ 1863 г. оно обратилось къ помощи гласности общественнаго мнѣнія. Эти невызрѣвшія и непереважившіяся реформы и эта задористая отъ непривычки гласность привели къ такому хаосу и деморализаціи правительственныхъ органовъ, что пришлось и приходится терпѣть всякій безпорядокъ. Разстройство финансовъ приведетъ къ центральному представительству, и конституція празднуетъ канунъ своего рожденія. Общество, земля Русская чувствуетъ слабago сѣдока; время зрѣлости, кажется, пришло, и вотъ мы получаемъ самоуправленіе. Но Боже мой, къ чему все это ведетъ? Знаю, что управленіе будетъ лучше, но оно потребуетъ невыносимыхъ для бѣдной земли расходовъ.

Представительство нужно и для нашего кредита. Не смотря на безденежье, мы не можемъ сдѣлать займа въ чужихъ краяхъ и собираемъ крошки внутри страны. И теперь думаютъ сдѣлать внутренней заемъ: нечѣмъ пополнить deficit. Но развѣ эта нормальная мѣра?

Мы все еще не въ нормальномъ положеніи, и даже не приближаемся къ нему. Учредительный комитетъ въ Варшавѣ, генераль-губернаторы западныхъ губерній и повѣрочныя комиссіи, все это диктаторы и диктаторство, доказывающіе какъ глубоко проникло возстаніе въ этомъ краѣ, какъ мало мы тамъ сдѣлали и какъ вообще тамъ слабы Русскіе элементы и порядки. Вотъ нынѣ вышла и коренная мѣра для ихъ водворенія тамъ: переходъ недвижимой собственности (иначе какъ по наслѣдству) Полякамъ тамъ запрещенъ. Приобрѣтать тамъ могутъ только православные и протестанты. Какая бы ни настояла необходимость въ этой мѣрѣ, я не могу вполнѣ ее одобрить, не желая никогда, чтобы право собственности дѣлалось предметомъ административныхъ распоряженій. Западные губерніи не за горами, и подобная революціонная мѣра, какъ и повѣрочныя работы, легко могутъ примѣняться и распростра-

ниться и на губерніи Русскія, особенно если извѣстная партія достигнетъ исключительнаго господства. Виною отчужденія этого края—дурные администраторы, назначавшіеся по военному выбору. Они ничего не сдѣлали и не могли сдѣлать ничего полезнаго въ видахъ объединенія края съ Россіей, въ видахъ распространенія Русскаго языка и Русской науки.

Я не могу опредѣлить, какія послѣдствія будутъ имѣть нынѣшнія мѣры, но послѣдствія будутъ. Безнаказанно и безслѣдно ничто не дѣлается. Произволь оправдывается минутою, а не вѣками опасности. Тутъ нужны рачительность, послѣдовательность и постоянство, за неимѣніемъ которыхъ мы выдвигаемъ произволь и терроризмъ со всею запальчивостію газетныхъ поддачиковъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что подобныя мѣры и общинное пользованіе землями, при обязательномъ надѣлѣ, и выкупъ едва-ли такъ легонько были придуманы и исполнены любымъ социалистомъ на Западѣ, еслибы стоялъ во главѣ правительства.

Законъ о приобрѣтеніи земель Поляками совершенъ не законодательнымъ порядкомъ чрезъ Государственный Совѣтъ, гдѣ онъ былъ бы не безъ оппозиціи, а составленъ въ особой комиссіи, состоявшей изъ лицъ по назначенію.

Читаю я „Aus Reisetqgebüchern des Grafen Georg Kankrin“. Записки знаменитаго министра финансовъ, писанныя имъ во время путешествій за границу въ 1840, 41 и 43 года. Онъ въ высшей степени интересны и добросовѣстно изданы, съ очеркомъ жизни, зятемъ его, графъ Кайзерлингомъ. Имя Канкринна упоминается теперь часто въ разговорахъ и газетахъ по поводу затруднительнаго положенія нашихъ финансовъ. „Записки“ даютъ объ немъ точное понятіе. Это была замѣчательная личность, обширнаго ума, солидныхъ, разнообразныхъ свѣдѣній и прекраснаго сердца. Онъ началъ изучать финансы, будучи генераль-интендантомъ, и усвоилъ науку до такой степени, что рѣшился написать теоретическое сочиненіе, которое послужило потомъ программю двадцати-одногодичнаго управленія его финансами великой Имперіи. Заслуги его несомнѣнны. Но подъ конецъ своей карьеры престарѣлый финансистъ столкнулся съ новыми идеями, которыя массами всплыли послѣ революціи 1830 г. и буреломно гнали Европу къ 1848 году. Въ финансахъ у него, кажется, преобладали два правила: воздержаніе отъ займовъ и покровительство туземной промышленности. Но Записки важны и для изученія этой замѣчательной личности какъ человѣка вообще, такъ и государственнаго человѣка въ особенности. Онъ былъ врагъ конституцій и парламентаризма. Онъ былъ врагъ частныхъ банковъ и желѣзныхъ дорогъ. Онъ былъ врагъ института присяжныхъ и вообще унвовленій радикальныхъ. Въ послѣднихъ годахъ сороколѣтія, когда доктрина вошла

въ большую силу, ему сидѣть было жутко, и онъ оставилъ постъ свой, засыпанный наградами, огромными капиталами и земельными пожалованіями и окруженный довѣріемъ и признательностію Государя, общимъ уваженіемъ и глубокою, сыновне-почтительною любовію подчиненныхъ. Замѣчательно, что съ большою нѣжностію отзывается онъ о своей женѣ, Еватеринѣ Захаровнѣ, рожд. Муравьевой, а она, съ своими Гѣцами, Пельчинскими, Жадовскими. и др. записана въ Петербургѣ совсѣмъ въ другія Записки.

Изъ Петербурга только и слышишь, что о кражахъ въ кассахъ по управленіямъ, обнаруживаемыхъ по случаю окончательнаго введенія единства кассъ, слышишь о пониженіи курса и о новыхъ законахъ, наградахъ и назначеніяхъ. Назначаются личности ультра-либеральныя, какъ Унковскій „бывшій губернской предводитель“, сказано въ приказѣ, и даже личности революціонныя, какъ Огрызко, о которомъ въ сегодняшнемъ (30 Декабря) № „Московскихъ Вѣдомостей“, помѣщена статья, замѣчательная по своей откровенности. Довѣріе къ „Петербуржскому“ управленію подмывается самымъ безцеремоннымъ образомъ. Удивляешься, какъ подобныя явленія могли имѣть мѣсто, какъ могли быть; удивляешься еще болѣе, какъ подобныя обвиненія могутъ быть терпимы, разрисовываемы и разглашасмы. Уши вянутъ. Почти вся надежда на гласность, а явленія эти совершаются посреди самой широкой гласности, и представленія обвиненія остаются неотвергнутыми и безъ всякаго возраженія.

(Продолженіе будетъ).

